

Элис Петерсон
Лишь шаг до тебя
Серия «Все будет хорошо! Романы Э. Петерсон»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17869359
Петерсон, Элис. Лишь шаг до тебя: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-87572-6

Аннотация

Алкогольная зависимость, муж, который постоянно распускает руки, страх за жизнь маленького сына – все это пришлось пережить Полли за годы семейной жизни. Но теперь она полна решимости двигаться дальше. Ради сына Полли находит в себе силы, чтобы навсегда порвать с прошлым и начать новую жизнь. Все, чего она хочет, это снова стать счастливой. Но неожиданно на ее пути появляется бывший муж...

Содержание

1	5
2	7
3	12
4	16
5	21
6	25
7	30
8	35
9	37
10	41
11	46
12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Элис Петерсон

Лишь шаг до тебя

Alice Peterson

One Step Closer To You

© 2014 Alice Peterson

© Гилярова И.Н., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. \ ООО «Издательство «Э»,

2016

1

2010

– Полли, скажите, когда вы чувствовали себя счастливой?

Стефани, психолог-консультант, задала мне этот вопрос в конце наших занятий. Я хожу к ней полгода. Она сидит напротив меня – «паркер» в изящной руке, прямые каштановые волосы, бледное веснушчатое лицо.

– Счастливой? – переспрашиваю я, словно не понимаю, о чем речь.

– Да-да. Ощущение счастья иногда возникает в самые неожиданные моменты. Оно необязательно зависит от чего-то конкретного.

Я пью воду и думаю над ответом.

– Мне нравилось, когда в детстве папа брал нас с Хьюго на озеро... – Хьюго – мой младший брат. – Мы бывали там каждое воскресенье. Это было замечательно. – Я снова задумалась. – Ну и в школе мне тоже было... нормально, когда все шло гладко.

Стефани ждет продолжения, на ее бесстрастном лице не отражается ничего. Она часто копается в моей душе, напрасно надеясь, что из глубин моей психики всплывет что-нибудь интересенькое.

– Какой трудный вопрос, – бормочу я. Счастье, покой – все это для меня абстрактные вещи, в своей жизни я с ними не сталкивалась. Зато мне всегда так хотелось восторгов, а острые ощущения заставляли меня прямо-таки летать.

– Не торопитесь, подумайте, – говорит Стефани; на ее письменном столе тикают часы.

Многие бы сказали, что испытывали наивысшее счастье, когда влюбились или когда у них рождались здоровые дети. У меня тоже год назад родился сын, Луи, но с его отцом, Мэтью, мы расстались. Я вспоминаю, как познакомилась с Мэттом. Была ли я с ним счастлива? Теперь, оглядываясь назад, могу уверенно сказать – нет, не была. Но мой пульс бешено учащался при виде его, особенно в первые месяцы. Я до сих пор помню его пронзительный взгляд, устремившийся на меня из-за барной стойки в тот первый вечер, когда мы положили глаз друг на друга. У него был особенный дар – при нем я не замечала ничего вокруг. Мы танцевали, прижимаясь друг к другу разгоряченными телами. Потом сидели в обнимку в такси по пути ко мне домой. Глаза Мэтта блестели, его рука лезла мне под юбку. Меня до сих пор бьет дрожь, когда я вспоминаю ту его улыбку – моего повелителя, мачо. Поначалу его внимание зачаровывало, льстило. Да и какая женщина устояла бы против такого мужчины? Я ерзаю на стуле, стремясь прогнать его из своих воспоминаний. Трудно, нет слов. Я до сих пор оглядываюсь, когда иду по улице; его лицо постоянно мерещится мне в толпе прохожих...

Нет-нет, вернись к вопросу, Полли. Когда я чувствовала себя наиболее счастливой?

– Когда у меня родился Луи. – Я лгу, потому что больше ничего не могу придумать. Говоря по правде, рождение сына и первый год были совсем не тем, о чем я мечтала. Интересно, что чувствуют другие мамы. Я ни секунды не жалею, что родила его, но что подумает обо мне Стефани, если я признаюсь ей, что однажды едва не оставила его в парке? Беспомощного, беззащитного кроху. Чтобы не заплакать, я закрываю глаза.

– Полли? – говорит Стефани. – Не волнуйтесь, мы...

Я останавливаю ее жестом руки. Я вижу себя девочкой на кухне нашего дома в Норфолке. На мне фартук с розочками и такой же колпак. Я сыплю в тесто изюм и перемешиваю деревянной ложкой маслянистую пышную массу. Когда мама не смотрит, я макаю в кастрюлю палец. Вкусно-то как! Просто божественно! Не удержавшись, я опять лезу пальцем в сладкое месиво.

– Полли, так вообще не останется теста, – одергивает меня мама, подкрадывается ко мне и тоже макает палец в тесто. Мы весело смеемся. Мама смеется редко, и всякий раз для меня это как дорогой подарок. Я любила готовить вместе с ней, потому что мы были вдвоем, без Хьюго, без папы, только мама и я. Потом мы ложками выкладывали тесто на противень. Мама ставила таймер, но я все равно беспрестанно заглядывала сквозь стеклянную дверцу – бисквиты приподнимались, а края их постепенно окрашивались в восхитительный золотисто-бурый цвет.

– Когда я пекла бисквиты, – бормочу я, все еще мысленно в фартуке с розочками, рядом с мамой.

– Пекли? Вы про вашу работу?

После разрыва с Мэттом я работаю в кафе в Белсайз-Парк – пеку пирожки и подаю там же супы посетителям.

Я качаю головой.

– Нет. С мамой, когда я была маленькая.

Особенно мне запомнились недели перед Рождеством, когда мы лепили с ней пирожки под рождественские гимны по радио. Мама мурлыкала – «Однажды в городе царя Давида», смазывая жиром противень. Я с наслаждением вдыхала уютный запах гвоздики, тертого мускатного ореха и корицы и старательно выдавливала из теста серебряной формочкой звезды, чтобы потом надеть на пирожки шапочки. Шапочки – так мы с мамой их называли.

– Я жалею, что не провела все свое детство на кухне, – сказала я Стефани. – Мама никогда не хмурилась и не волновалась; я забывала про свое озорство. Пожалуй, я поэтому и люблю свою нынешнюю работу; она напоминает мне о тех временах. – Я снова пью воду. – Мне нравилось готовиться к Рождеству, заворачивать подарки и наряжать вместе с Хьюго елку. Все было так замечательно... до поры до времени...

Стефани глядит на меня так, словно хочет сказать: подготовка к празднику часто бывает увлекательнее, чем сам праздник.

– Мне вспоминается один год... В то время я уже начала подозревать, что в нашем доме все обстоит не так благополучно, как кажется. В самом деле, там царила сплошная ложь... Я остановилась и посмотрела на таймер. Сеанс закончился.

– Полли, я хочу еще вас послушать. Время нам позволяет, – говорит Стефани, игнорируя тиканье.

2 1989

Меня зовут Полли, мне скоро девять. Канун Рождества, мы с мамой перерываем мой гардероб.

– Прямо не знаю, Полли, как ты обращаешься со своей одеждой! – досадует мама. Она ищет мое красное бархатное платье. Я-то прекрасно знаю, где оно – у меня под кроватью, порванное и в засохшей глине.

В результате решено, что я надену на семейный праздник юбку с серебристыми звездами. Мама уходит из моей спальни, а я с облегчением вздыхаю и тихонько закрываю дверь. Сажусь на корточки возле кровати и вытаскиваю платье. Я совсем про него забыла. В последний день триместра в нашей школе разрешалось приходить на занятия не в форме, и я надела это платье. А потом подралась с девчонкой из моего класса на спортивной площадке возле девчачьего туалета. Эта самая Имоджен передразнивала моего младшего брата Хьюго, называла его циклопом, потому что он слепой. С ней были две подружки. Хохоха, они кривили рожи и шурились, как это делает Хьюго. Я бросилась на Имоджен, как пантера, и через мгновение мы уже катались в грязи и колошматили друг друга под одобрительные крики ребят. Потом я услышала треск материи, это рвалось на мне платье. Чья-то рука пыталась меня поднять. Это была Джейни, моя лучшая подруга. Она умоляла меня не влипать в новые неприятности.

– Между прочим, Циклоп – супергерой, – бросила она Имоджен, – а у Хьюго два глаза, а не один. Тупица!

Я надела юбку и блузку, соображая, как мне тайком от мамы постирать и зашить платье.

За дверью слышатся шаги, приближающиеся к моей комнате. Я поскорее запикиваю платье под кровать. В дверь заглядывает Хьюго. Он сильно младше меня, но в росте не подкачал.

– Ты идешь? – спрашивает он. На нем бордовая жилетка, аккуратные брюки; папа начистил ему ботинки.

Я берусь за его мягкую руку, и мы вместе спускаемся вниз. Мама с папой объяснили мне, почему у моего брата плохое зрение. После рождения он не мог дышать, и его положили под аппарат искусственной вентиляции легких. Доктор сказал, что его палочки и колбочки были убиты во время рождения.

– Колбочки? – переспрашиваю я папу. – Какие они?

– Конические, как мороженое, – отвечает он. Я представляю себе мороженое с шоколадной стружкой, которое продается у мистера Уиппи, и у меня текут слюнки.

Папа пытается что-то мне объяснить.

– У Хьюго, ну... как бы сказать? Это как повреждение электропроводки. Иногда при рождении такое бывает. Но это не значит, что мы не любим его таким, какой он есть.

– А я как родилась? Легко?

Последовала долгая пауза. Кажется, он так и не ответил. Вероятно, просто думал о палочках и колбочках в глазах Хьюго.

Мы с Хьюго спустились почти до самого низа лестницы.

– Ступенек больше нет, – говорю я ему. Он делает шаг, и я подхватываю его, не давая упасть.

– Не смешно, Полли! – обиженно ворчит он, но мы тут же хихикаем, потому что наступает Рождество, и времени до подарков остается совсем немного.

Бабушка Сью и дедушка Артур, мамины родители, всегда приезжают к нам в канун Рождества. Они живут в Девоне, на берегу моря. Приходит и папина сестра Лин. Она вдова, живет одна в Лондоне. Сегодня вечером мама впервые разрешила мне сидеть за взрослым столом и не ложиться спать до девяти часов. Обычно нас с Хьюго укладывают в постель еще до того, как взрослые сядут ужинать.

У двери звенит колокольчик, три раза. Должно быть, дед.

– Ну вот, мы приехали, теперь можно и начинать! – грохочет дедушка, когда я открываю дверь и обхватываю его руками. По случаю праздника он надел синий в крапинку галстук; от него пахнет костром и одеколоном после бритья. Мимо нас протискивается бабушка Сью. На ней длинное элегантное пальто, сапоги на высоких каблуках. Губы накрашены яркой помадой. Бабушка Сью когда-то была неотразимой блондинкой, я видела ее фотки, где она молодая. Папа считает, что она и сейчас красивая. Она была профессиональным поваром. У нее знаменитые руки – одно время они нарезали индейку на рекламе какой-то торговой сети. Еще папа говорит, что дед Артур и бабушка Сью были когда-то красивой парой и что многие им подражали.

Мы с Хьюго идем за дедом в гостиную, не сводя глаз с висящей у него на плече раздутой сумки. Дед глядит на мерцающие огоньки нашей елки и на сложенные под ней подарки.

– Это все для меня! – грохочет он, снимает куртку и заявляет, что нет ничего лучше настоящего огня от горящих поленьев. Под моим зачарованным взглядом он садится и достает из сумки пару бутылок. Подмигивает мне: – Тебе, Полли, никаких подарков! Я слышал, что ты в этом году сильно озорничала.

Он гогочет и вручает мне маленькую коробочку, обернутую в серебристую бумагу. Я тут же трясую ее, пытаюсь угадать, что в ней, и добавляю к своей горке подарков под елкой.

Мама права. Дед не умеет говорить нормально: он кричит. Он не может смеяться: он гогочет. Он не может позвонить в дверь один раз: всегда звонит трижды. Мне кажется, он гигантский солнечный луч, появляющийся на нашем пороге.

Потом приезжает тетя Лин, и дед едва не сплющивает ее в объятьях. На ней красное платье в мелкий горошек и ее знаменитые бежевые колготки. Поскольку у нее траур, она почти не смеется, даже на Рождество.

Вскоре мы все собираемся в гостиной и болтаем о том о сем, в том числе и о школе. Я рассказываю тете Лин про рождественскую постановку, в которой участвовала, но тут, к моей досаде, меня перебивает мама:

– Хьюго тоже чудесно спел. Соло. Он играл Безумного Шляпника из «Алисы в Стране Чудес».

– Может быть, поставим какую-нибудь музыку – для праздничного настроения? – предлагает дед. Я уныло бреду за ним в коридор, где на полке стоит наш музыкальный автомат, заваленный компакт-дисками. Помогаю деду отыскать подходящую музыку, и вскоре мое праздничное настроение возвращается. Он кружит меня по комнате под «Огненное кольцо» Джонни Кэша. Хьюго танцует с мамой и время от времени трясет руками, изображая игру на гитаре. Отец щелкает камерой.

– Давай, Линни, потанцуй, ведь Рождество! Не сиди у стенки!

– Лучше не надо, – говорит она, зябко пожимая плечами. Иногда мне кажется, что она боится деда. Только не понимаю почему, он же такой веселый.

Я сижу за столом рядом с бабушкой Сью напротив деда Артура. Папа зажигает свечи, а бабушка Сью восхищается нашим столом – мы с мамой украсили его днем, уже после того, как налепили пирожки под рождественские гимны. Папа и Хьюго смотрели по телику «Удивительную жизнь», а мы с мамой открывали коробки и доставали из них чудесные стеклян-

ные подсвечники, золотые свечи, плющ, ягоды и ленточки, а еще нашу праздничную скатерть с красными звездочками и такие же салфетки. Золотым маркером я писала на карточках имена гостей. Мама купила хлопушки, но мы решили приберечь их до завтрашнего дня.

Мама ставит на стол горяченный рыбный пирог и говорит о завтрашнем посещении церкви.

– Вот только трудно совместить это с индейкой, – сетует она, наморщив лоб. – Что если оставить ее на вечер? Но тогда дети уже устанут. – Мама всегда из-за чего-нибудь беспокоится. Дед Артур часто шутит, что она будет беспокоиться и суетиться, даже лежа в могиле.

Я замечаю, что она смотрит на деда, сливающего остатки вина в свой бокал.

– Зачем мы едим каждый год индейку? От нее пучит живот, – говорит он и подмигивает мне. Я хихикаю, а он добавляет себе вина из новой бутылки и пытается налить тете Лин. – То же самое касается и вонючей брюссельской капусты!

Тетя Лин, надув губы, накрывает свой бокал ладонью.

Дед хмурится.

– Ой, ладно тебе, Линни, ведь Рождество! Напейся разок!

– Па! – одергивает его мама, а мне все происходящее кажется очень смешным.

– Я за рулем, – отвечает она, не поднимая на него глаз.

Наступает странная тишина. Мамино лицо краснеет.

– Между прочим, рыбный пирог божественно вкусный. – Папа поднимает бокал. – Трижды ура повару!

– Только осторожнее, могут попадаться косточки, – тревожится и предупреждает мама.

– Уймись, – бормочет деду бабушка Сью.

Мне жалко деда. Вечно его ругают!

– Я очень и очень горжусь нашей семьей, – со слезами на глазах говорит дед за пудингом. – У нас бывали трудные времена, но Хьюго – наша надежда. У этого мальчишки... – дед тяжело вздыхает, – вся жизнь впереди, и она будет непростая. – Он грозит пальцем. – Но наш малыш сильный и... ну... Я вижу замечательные вещи... – Дед сбивается и для храбрости делает глоток вина. – Он с характером. – Дед икает. – Понимаете, за стенами дома начинается большой и суровый мир, но он храбрый мальчишка. Еще у нас есть красавица Полли. Парни будут кушать из твоих рук, клянусь, будут кружиться вокруг тебя будто пчелы вокруг горшка с медом.

Я не очень понимаю, что имеет в виду дед, и в смущении кручу ложку.

– Полли, перед тобой счастливое будущее... ах, дорогие мои, если бы я мог прожить свою жизнь сначала...

– Что бы ты тогда сделал по-другому, Артур? – спрашивает мой папа.

– Ой... да все, правда, Сью? Желушка считает меня неудачником. – Он толкает ее локтем и та неловко ему улыбается.

– Что ты выдумал? Ничего я не считаю, – возмущается бабушка Сью. – Когда это я говорила об этом?

– Тебе и не нужно говорить. – Он вытирает рот рукавом рубашки.

Папа говорил мне, что дед Артур в своей жизни толком никогда и нигде не работал. Он мгновенно терял работу, едва находил ее.

– Почему? – спросила я у него.

– Ну, объяснить это сложно, – ответил папа.

– Я точно неудачник, – говорит дед, гоняя по тарелке закуску, – и в этом только моя вина.

Я подсакиваю.

– В чем ты виноват?

– Давайте сменим тему? – предлагает бабушка Сью. – Ведь мы же празднуем Рождество.

Интересно, почему все повторяют – Рождество... Рождество... это же Рождество?..

– Как же мы любим менять тему, Линни, – говорит дед. Тетя Лин ежится. Дед наклоняется к ней: – Они никогда не хотят слышать правду.

– Ты опьянел, – лепечет она, отодвигаясь от него. – Очень сильно.

Дед опять наклоняется к ней.

– Ну, как сказал Черчилль, ты некрасивая, ты очень некрасивая. Но утром я протрезвею. – Он откидывается на спинку стула и гогочет, но его никто не поддерживает. Я не понимаю, что тут смешного. Мама с папой смотрят сердито, бабушка Сью вообще шипит в ярости, словно вот-вот взорвется.

– Па, пожалуйста, – говорит мама, делая мне какие-то знаки. – Ведь ты обещал.

– Ладно, ладно, успокойтесь. – Он допивает вино в бокале и тянется за бутылкой.

– Артур, тебе хватит. – Папа выхватывает у него бутылку.

– Кто это сказал? – огрызается дед и опрокидывает солонку. Берет большую щепотку и бросает ее через плечо. – Полли, когда просыпается соль, это скверная примета.

– Тебе нужно выпить черного кофе, – говорит мама, торопливо сгребая соль.

– Она должна быть здесь, – бормочет дед, нашаривая в кармане пачку сигарет. – Мы пойдем в церковь, послушаем проповедь о прощении...

Мама замирает.

– Па!

Дед качает головой.

– Но мы не можем сделать это даже в нашей собственной семье. Мы делаем вид, что все в порядке, мы отмечаем Рождество, видите ли... – Он шевелит пальцами в воздухе.

– Па! Сейчас не самое подходящее время...

– Всегда не самое подходящее время. Она должна была бы сидеть здесь вместе с нами. Я хмурюсь.

– Кто должен быть тут, дед?

– Никто. – Мама хмурит брови.

– Секрет, – отвечает дед. – Я вот что скажу тебе, Полли. Жизнь вообще...

– По-моему, тебе пора на боковую. – Папа идет к деду.

Дед удрученно качает головой.

– Ты можешь спрятать голову в песок, но жизнь такова, что она всегда отомстит тебе, причем в тот момент, когда ты меньше всего к этому готов.

– Полли, пойдем, – строго говорит мама и решительно берет меня за руку. – Пожелай всем спокойной ночи – и в постель. Нам еще нужно положить за порог шерри и бисквиты для Санты.

– Я поднимусь с ней наверх, – говорит тетя Лин, пользуясь возможностью уйти из-за стола.

Я чмокаю деда в щеку. Щека у него потная, мои губы прилипают. Он почти не замечает меня. Я с неохотой выхожу из гостиной следом за тетей Лин и в дверях снова бросаю взгляд на деда. Он сидит сгорбившись, глядя в пол, и вид у него такой грустный, словно Рождество уже позади.

Мне не спится. В изножье моей кровати висит пустой чулок. Я слышу возле дома негромкие голоса и шаги по гравию. Что-то заставляет меня подойти к окну. Я осторожно отодвигаю штору и вижу фигуры возле машины бабушки Сью. Она не любит ночевать у нас и всегда бронирует номер в соседнем отеле.

Папа держит под руку деда. Он спотыкается и, падая, ударяется о дверцу автомобиля. Папа пытается его поднять, но дед отталкивает его. Мама открывает дверцу, и деда запи- хивают на переднее сиденье. Машина трогается с места и уезжает. Папа обнимает маму за плечи.

Я возвращаюсь в постель. О каких секретах говорил дед? «Она должна была бы сидеть здесь». Я кутаюсь в одеяло, не зная, что думать. Я чего-то не понимаю, и это мне не нравится. И уж точно, такие чувства слишком неуместны в канун Рождества.

3 2013

Меня зовут Полли. Мне тридцать три, я мать-одиночка с пятилетним сыном Луи, живу на севере Лондона. Каждое утро я молюсь о трезвом дне, а перед сном мы с Луи перечисляем друг другу все вещи в жизни, за которые мы должны быть благодарны: на первом месте там мой брат Хьюго, на втором пирожные с кремом. Я работаю в кафе в Белсайз-Парк у француза по имени Жан. В одной половине заведения продаются кулинарные книги со всего мира; другая отведена под обеденный зал и кухню, где я варю суп и делаю выпечку. Я стараюсь как можно больше бегать, чтобы избавиться от привычки лизать деревянную ложку. Уже четыре года я посещаю Стефани, консультанта-психолога; а каждую пятницу в обеденный перерыв иду в АА – группу взаимопомощи анонимных алкоголиков. Иногда я бываю там два раза в неделю, как-то ухитряюсь выгадывать время, но пятница – это святое. Эти встречи для меня просто как кислород. Как бы я ни была занята, что бы там ни творилось вокруг, для меня важнее всего мое лечение.

Я иду к церкви, что возле школы Луи в Примроуз-Хилл, и думаю о друзьях, которые появились у меня в АА. Прежде всего это Гарри. Ему за семьдесят, он седой, худощавый. На нем неизменный пиджак из твида, чуточку великоват ему, иногда такая же кепка, которую он носит с каким-то особым шиком. Гарри любит дежурить на кухне, подавать горячие напитки и бисквиты. Когда я в первый раз явилась на встречу – вся в соплях, с красными опухшими глазами, – Гарри напоил меня сладким чаем и дал мне свой носовой платок с вышитой «Г» в углу. За плечами у него было много всего. Тяжелое детство, в двадцать лет он пристрастился к алкоголю и сильно пил до пятидесяти, пока доктор не поставил его перед выбором – завязывать либо умереть через полгода. Больше двадцати лет он не пьет, а каждую годовщину отмечает с женой Бетси в шикарном ресторане.

Потом Райен, тридцатилетний музыкальный продюсер с сонными карими глазами, выглядит всегда так, словно только что выполз из-под одеяла и наспех сунул ноги в кроссовки и джинсы. За последние четыре года я видела его с оранжевыми, розовыми, черными и светлыми волосами, но сейчас он темный шатен, это его натуральный цвет, и он ему больше всего к лицу. Он виртуоз на гитаре и приютил Кипа – бульдога. Как-то раз мы встретили в парке Райена с Кипом, и Луи моментально влюбился в него: Райен невероятно крутой. Будь я чуть помоложе или та прежняя Полли, я бы не упустила шанс.

Еще Нев, двое детей, только что стукнуло сорок, разведенная, но теперь счастливо живет с бывшим алкоголиком. Она покинула мир корпораций и ведет группы йоги. У Нев открытое, ангельское лицо; трудно поверить, что в пятнадцать лет она пила, нюхала кокаин и спала с кем попало. Собственно, она просто «ловила момент» – стремилась ухватить по максимуму от всего, что было перед ней. То первое заседание, на которое я пришла, вела она. Все, что она говорила, эхом отзывалось в моей жизни. Но меня подкупило ее чувство юмора – на том заседании она в лицах изобразила, как по дороге сюда ее тормознули и заставили дышать в пробирку. «Полисмен спросил, когда я в последний раз пила, и я честно ему ответила, что, дай бог память... – Нев скорчила глубокомысленную рожицу, – двадцать девятого декабря две тысячи пятого года, в пять часов вечера в аэропорту «Феникс», Аризона, сэр!» Я настолько была поражена тем, как она повернула свою жизнь, что набралась смелости и попросила ее быть моим спонсором – человеком, который помогает тебе не пить во время программы АА. «Я бы с радостью, Полли, – серьезно сказала она, – но ты должна обещать мне одну вещь. Поклянись, что ты никогда не будешь мне врать».

И наконец, шестидесятилетняя Дениз, крашенная блондинка с темными корнями волос. Где она только не поработала, в основном в торговле, а теперь – почасовик в супермаркете «Сейнсбери» в отделе сыров. Мать Дениз была алкоголичкой и не дожила до пятидесяти. Отец выставил ее на улицу, когда ей исполнилось шестнадцать. Лицо у нее цвета горчицы, все в морщинах: после сорока-то лет ежедневного пьянства! Она живет в муниципальной квартире с рыжим котом Феликсом. Бросила курить и научилась вязать.

Я захожу в церковный зал, машу рукой Гарри, восседающему за столиком с чаем и бисквитами, и занимаю место в заднем ряду рядом с Дениз, которая вяжет сегодня что-то бледно-голубое. Она тут же сообщает мне, что вяжет кардиган для своего внука Ларри.

– Его назвали Ларри, потому что дочка всегда говорила, когда ходила беременная: «Он счастлив, как Ларри». – Она кудахчет, обнажив в улыбке коричневатые от никотина зубы, и продолжает вязать. – Что-то, милая, я не видела тебя на прошлой неделе.

Я сообщаю ей, что мы с Луи провели Рождество и Новый год в Норфолке у моих родителей.

Нев появляется вскоре после меня. На ней бриджи для йоги, открывающие всем на зависть ее загорелые ноги, и дубленка. Ее короткие каштановые волосы зачесаны от висков назад и закреплены парой заколок, что подчеркивает ее высокие скулы и синие глаза. Она садится рядом со мной, тяжело дыша:

– Уф, как я рада, что Рождество закончилось.

Потом всплывает Райен, в наушниках. За ним какой-то высокий мужчина с густыми темными волосами и бородой, в синем джемпере; неловко сутулясь, он высматривает, где бы ему сесть.

– Что с тобой? – спрашивает Нев. Она видит, что я сжалась и прячу лицо.

– Я его знаю.

У нее загораются глаза:

– Он ничего, симпатичный на свой бородатый лад. Кто такой?

Мужчина поворачивается, словно почувствовал, что говорят о нем.

– Твой экс? – шепчет Нев.

Я мотаю головой.

– Твой гинеколог? – В ее глазах вспыхивает озорство.

– Тссс! К счастью, у меня его нет.

– Твой спец по ботоксу?

– Отстань!

– Твой док, который запрещает тебе пить и курить? – с хриплым кудахтаньем вклинивается Дениз, не переставая позвякивать вязальными спицами.

Нев поворачивается ко мне; румянец на ее щеках уже пропал.

– Не Мэтью ли это, папа твоего Луи?

– О-о, тут Мэтью? – говорит Райен, уловив конец нашего разговора. В его руке кружка с чаем, наушники болтаются на худой шее.

У меня до сих пор холодеет под ложечкой, если кто-нибудь упоминает имя Мэтью.

– Успокойтесь! – прошу я, хотя самой не до покоя. – Это папа ребенка из нашей школы, вот и все.

– А-а, жаль. – Нев явно разочарована.

Ничего не понимая, Райен чешет затылок.

– Что за папа из школы?

Нев молча показывает на спину мужчины в синем джемпере.

– Полли, он тебя увидел? Как ты думаешь?

– По-моему, нет.

Я объясняю Дениз, Райену и Нев, что его зовут Бен и что его племянница Эмили учится в одном классе с Луи. Эмили пришла к ним в прошлом году во второй половине рождественского семестра. Я тогда спросила у сына про Эмили, и Луи ответил, что у нее нет мамы, она умерла из-за большого сердца; об Эмили заботится ее дядя Бен. Я чуть-чуть обрадовалась, увидев его здесь. Возможно, у меня появится союзник, с которым я смогу серьезно говорить о сборе денег на нужды школы, родственная душа у школьных ворот. Мне давно хотелось с ним поговорить, и вот теперь у меня появился повод. Но другая часть меня цепляется за приватность. Я не спешу завязывать дружеские отношения с кем бы то ни было. Мне нравится, что у школьных ворот стоит Полли, новенькая, без единого пятнышка, мать ученика школы, оставившая в прошлом все свои дурные привычки.

– Привет. Меня зовут Колин. Я алкоголик.

– Привет, Колин, – отвечаем все мы. Колин, мужчина в толстом сером свитере, председательствует на нынешней встрече; он сидит за столом рядом с секретарем.

– Я долго не понимал, что у меня алкогольная зависимость. В моем представлении алкоголиками были беззубые старики в грязной одежде, с бутылкой виски в сумке.

Слушатели заулыбались, одобрительно зашумели. Гарри, сидевший недалеко от меня, вытер лоб носовым платком и прикончил свой брусок торта «Баттенберг».

– Мы мастера дурачить самих себя, но на деле моим диваном стала скамейка в парке.

Колин продолжает рассказ, а мои мысли переносятся к Бену. Как он справляется с Эмили? Что случилось с отцом девочки? Он впервые пришел на заседание нашей группы АА?

– Сильно пить я начал, когда был оформлен развод. – Колин вздыхает. – До этого я мечтал о свободе и нормальном сне, чтобы по тебе не прыгал ребенок в половине шестого утра. Но когда дети остались у моей бывшей, я обрел кучу свободного времени. Я все еще любил жену и совершенно не понимал, что у нас все позади. Я пил не ради общения в хорошей компании. Я просто надирался до потери сознания. Один раз разгромил что-то там в парке, это был чистой воды вандализм. Другой раз явился к дому бывшей жены и набил морду ее дружку. «Не вините меня! Я был пьян и ничего не помню!» Вот были мои отговорки. Алкашам нужен повод, чтобы выпить, и они никогда не хотят отвечать за свои поступки. «Сегодня пятница – как не выпить?» или «Сегодня у меня был неудачный день на работе. – Колин криво улыбается. – Ведь Рождество!» Тоже прекрасный повод для пьянки, тем более что все надираются на Рождество. Впрочем, оглядываясь назад, я вижу, что все мои розово-лицые кузены плевать хотели на виски и глинтвейн.

...Я думаю о дедушке, вспоминаю тот первый раз, когда мне в канун Рождества разрешили ужинать вместе со взрослыми. На следующий день, на Рождество дед упал спиной на нашу елку и свалил всю вину на Хьюго – мол, тот путался у него под ногами, хотя брат был далеко от него. Через несколько лет, уже подростком, я увидела темную сторону деда. Его шутки уже не казались никому смешными. Он превратился в одинокого и грустного старика. Я поняла, почему мама всегда разговаривала с ним как с ребенком и почему они с бабушкой много лет спали по разным спальням. Дело было не в том, что он храпел. Бабушка Сью не хотела, чтобы ее будил пьяный дед, возвращавшийся за полночь из паба...

– Потом жизнь заставила меня образумиться, – продолжает Колин. – Заболела моя шестилетняя дочка. Я оказался перед выбором – либо убежать, спрятаться, либо повернуться лицом к этой беде и пытаться ее одолеть. В общем, мне пришлось бросить пьянство и стать нормальным мужчиной, нормальным отцом.

Я вижу, как Бен стремительно выходит из комнаты. Нев глядит на меня. Что, мне надо пойти за ним?

Когда Колин закончил свой рассказ, секретарь предлагает выступить всем желающим. Какая-то женщина тянет руку. Колин кивает ей.

– Привет. Я Пам, и я алкоголичка.

– Привет, Пам, – говорят все.

Вернется ли Бен назад?

– Спасибо, Колин, – говорит она. – Уже пять лет я не прикасаюсь к спиртному.

Все аплодируют. Может, он вышел покурить? Нев снова подталкивает меня, чтобы я пошла за ним.

Я выхожу на цыпочках за дверь. Возле церкви стоит небольшая группа людей с сигаретами. Вдали я вижу Бена. Подойти к нему или нет? Он оглядывается через плечо. Я спотыкаюсь обо что-то, делаю шаг назад и нерешительно машу ему рукой. Но уже поздно. Он уходит, сунув руки в карманы.

4

После заседания я рысью мчусь домой. Я снимаю крошечную квартирку с двумя спальнями на Примроуз-Гарденс, это за Инглэндс-Лэйн, недалеко от метро «Белсайз-Парк». Я даже не подозревала, насколько красивая и зеленая эта часть северного Лондона, пока не переехала сюда. Хэмпстед-Хит всего в десяти минутах от моей квартиры. Примроуз-Хилл и Риджентс-Парк тоже совсем рядом.

Войдя в свой блок, прежде чем подняться по лестнице, я заглядываю в свой ящик, нет ли там интересной почты. Там сплошь одна реклама, да еще кредитная квитанция, которую я пока решаю не забирать.

Едва я вхожу в квартиру, как на меня налетает Луи. На нем костюмчик пилота.

– Ты был хорошей обезьянкой для дядюшки? – спрашиваю я, взъерошив его каштановые волосы.

Он кивает.

– Да. Мы играли в пиратов.

– Спасибо, Хьюго. – Я трогаю брата за плечо. – Сегодня мне действительно была нужна твоя помощь.

– Мам, как там твои несчастные друзья? – спрашивает Луи.

Недавно Луи случайно услышал, как мы с Хьюго говорили об АА и моих несчастных друзьях, как Хьюго их называет. Он вошел в пижаме на кухню и спросил:

– Что такое алкоголик?

Мы с Хьюго переглянулись.

– Это человек, который слишком много пьет, – ответила я.

– Так что? Если я пью слишком много «Райбины», то я тоже алкоголик?

– Нет, милый.

Он ждал, явно ничего не понимая.

– Это если ты пьешь слишком много вина или пива – взрослых напитков.

– Дядя Хьюго пьет пиво и вино. Значит, он тоже алкоголик?

Я уж не помню, как мы закончили этот разговор. Кажется, предложили Луи печенье или что-то еще вкусное.

Хьюго, Луи и я идем в гостиную, которая теперь выглядит так, словно в ней взорвалась бомба.

Луи хватается свою игрушечную шпагу и делает выпад в мою сторону.

– Ты убита!

Под одобрительные возгласы сына я шатаюсь и падаю на пол, схватившись за грудь. Но тут же оживаю и гляжу на часы. Начало вечера.

– Давай уберем это безобразие, погуляем, а потом надо поесть. Ты будешь? – спрашиваю я у Хьюго. – Я угощаю.

– «Пицца Экспресс», – кричит Луи, весело прыгая.

В темноте брат держится рядом со мной. Иногда я беру его за руку и веду, чтобы он не ударился головой о фонарный столб или не споткнулся о какого-нибудь карапуза. Рост у Хьюго шесть футов четыре дюйма¹, у него такие же, как у меня, густые темные волосы и округлый животик, подпоясанный широким кожаным ремнем. Рядом с ним я с моими пятью футами и шестью дюймами² выгляжу как лилипут. Мы часто удивляемся, как нас могла

---

¹ 1 м 93 см. – Здесь и далее прим. пер.

² 1 м 70 см.

родить одна и та же женщина, а я шучу, что мне надо залезать на стремянку, чтобы поцеловать его на прощание. Впрочем, несмотря на животик, он в хорошей форме и использует любой случай, чтобы самоутвердиться – поднимаясь на горы и съезжая на лыжах по очень сложным трассам. Недавно он совершил восхождение на гору Килиманджаро. Хьюго обещал моему сыну, что будет брать его с собой в горы, когда тот подрастет. И это будет строго мужской поход, время для укрепления дружбы.

Впрочем, дядя Хьюго и Луи и так друзья. Когда я ушла от Мэтью, брат стал для племянника кем-то вроде отца. Он не балует Луи, не прощает ему озорство из ложной жалости к ребенку, живущему без отца. Если Луи рассчитывает, что при слабовидящем дяде он сможет тайком съесть вторую зефирину в шоколаде, то ошибается. «Я вижу больше, чем ты думаешь», – говорит ему дядя Хьюго, грозя пальцем.

– Осторожнее. Поставь ногу вот сюда, – говорю я.

– Ты лучше скажи, вверх или вниз? Так будет толковее.

– Ой, прости. Вниз.

«Пицца Экспресс» на Белсайз-Парк, возле кинотеатра с шикарными кожаными креслами. В ресторане я замедляю шаг, чтобы Хьюго привык к полумраку. Официант ведет нас к столику возле окна. Посетителей много, еще не закончились рождественские праздники. Я замечаю, что Луи поглядывает на соседний столик, где папа с сыном изучают меню. Подходит официантка с ведерком, в котором лежат фломастеры, мелки и бумага – для Луи, чтобы он мог рисовать.

– Ну я уж догадался, что это не мне, – шутит Хьюго.

Я заказываю яблочный сок и пончики для Луи, потом вслух читаю Хьюго меню. Брат не может читать в темном ресторане. На работе он читает текст с экрана компьютера, увеличивая буквы. У него частичное зрение из-за сильного косоглазия. Он видит только уголками глаз, ему трудно смотреть прямо на человека, сидящего напротив него. По его словам, когда он попадает в незнакомое место и ему не у кого спросить дорогу, ему легче идти боком. Он называет это «сексуальной пробежкой краба».

– Лазанья, – говорит Хьюго, обрывая меня на полуслове. – И все.

Когда мы заказываем блюда, официантка спрашивает, не хотим ли мы ознакомиться с винной картой.

– Нет, – говорит Луи, поднимая голову от своего рисунка, – моя мамочка алкоголик.

Ой, Луи!

– Ах, понимаю, – смущенно бормочет девушка и отбегает от нашего столика.

Пока мы ждем наш заказ, Луи гоняет по полу свои полицейские машинки – играет в хорошего и плохого копа.

– Не уходи далеко, – кричу я ему.

– Как прошла ваша встреча? – интересуется Хьюго.

Не называя имен, я рассказываю брату, что видела кое-кого из школы, добавив, что они быстро ушли.

– Может быть, им было не слишком комфортно? – предположил Хьюго. – Ваши чаи с печеньем – не наркотики, не всякому понравятся.

– Извини, но мы не безумные хиппи.

– Тот человек видел тебя?

– Вроде да. У его сестры был инфаркт. Она умерла, Хьюго. По-моему, она была наша ровесница. – Я грызу ноготь. – Должно быть, ему сейчас адски тяжело.

– Поговори с ним при случае.

Я киваю.

- Да, кстати, как прошло вчера твое свидание?
- Не думаю, что мы пойдем в скором времени к алтарю.
- Никаких искр?
- Абсолютно.
- Ох, какая досада! Ведь этот вариант казался таким интересным.

Хьюго стал клиентом брачного интернет-агентства. Он убеждал меня присоединиться к веб-сайту родителей-одиночек, но мне сейчас хорошо и одной. Я больше не горю желанием встречаться с незнакомыми мужчинами в пабах. К тому же мне нравится одинокая жизнь. Сейчас я сама себе хозяйка; делаю то, что мне хочется, вижусь с теми, с кем мне нравится; хожу дома в бриджах для йоги и ем мороженое из коробки перед новым выпуском «Танцев со звездами». Мой последний роман с юристом по имени Дэвид закончился девять месяцев назад. Дэвид был старше меня на шесть лет. Казалось бы, о таком партнере любая женщина может только мечтать: красивый, словно модель из каталога мужской одежды; солидный – всегда заказывал столик в ресторанах; еще он не любил футбол (ура!), умел внимательно слушать (редкое качество) и честно признавался, как он хочет жениться и наладить размеренную жизнь. А ведь большинство мужчин не предлагают даже встретиться во второй раз. С Дэвидом я познакомилась в художественной галерее. Я разглядывала скульптуру Пикассо – голову мужчины – и внезапно поймала на себе взгляд высокого темноволосого незнакомца. «Я рад, что у меня не такой большой нос», – сказал он, догадавшись, отчего я улыбаюсь, а потом представился. В тот вечер мы ужинали в ресторане; к моему удивлению, его не испугали Луи и мой прошлый алкоголизм. По мере развития наших отношений он всячески поддерживал меня, намекал, что тоже отказался от спиртного. Дэвид абсолютно не походил на Мэтью. Я уговаривала себя: ничего страшного, что мой пульс не учащается во время наших встреч и что меня не преследуют мысли о нем, когда мы врозь. Чего ждать от таких отношений? И какое-то время я радовалась, что у меня есть кто-то. Наши отношения продлились год. Мама видела его два раза и была сильно разочарована, когда мы расстались. Джейни приходила в ярость, когда я твердила, что он слишком безупречен, тем более что ее последний кандидат поскандалил, когда ему принесли счет, утверждая, что он не ел чесночный хлеб. Хьюго симпатизировал ему, но понимал, что искры между нами не летят. Еще меня смущало, что Дэвид не умел говорить с детьми. Вопреки моим надеждам, у них с Луи не заладились отношения. Я видела раздражение Дэвида, когда Луи вторгался в его время, отведенное на чтение газет, или проливал сок на его бумаги. Когда Дэвид заговорил об отпуске и о том, чтобы мы поехали вдвоем, я поняла, что все, с меня хватит. Я не спала всю ночь и набиралась решимости. Я понимала, что лгала себе и Дэвиду, притворяясь, что все дело в Луи. На самом деле я просто не была готова, потому что не любила.

– Она все время твердила «бедняга», – говорит Хьюго, возвращая мои мысли к его свиданию. – Она не понимает простую вещь: если ты родился слепым, то это все, что ты когда-либо знал, и не нуждаешься в жалости. Я жалел лишь о том, что не мог увидеть цену вина, которое она так радостно заказала. К концу вечера я остался без гроша.

Хьюго рассказывает все свои истории в эфире. Он журналист и радиоведущий. После окончания университета он стажировался на Би-би-си и мечтал пробиться либо на радио, либо в большую журналистику. Сначала он работал в производственной группе. Пять лет назад он оказался по другую сторону микрофона, когда стал вести блог о том, как живет человек со слабым зрением, и получил так много откликов, что ему дали возможность вести собственное шоу на «Радио-2» под названием «Как я это вижу». Хьюго честен во всем; он рассказывает про жидкость для барбекю, оставленную на холодильнике, которую он чуть не принял за фруктовый сок; про то, как он справляется с поездками в метро и автобусах; про фильмы и книги, про политические взгляды. Но популярней всего в его передачах тема одинокого человека в Лондоне.

Мои мысли снова возвращаются к Бену. Интересно, ходит ли он с Эмили в ресторан. Я никогда не встречала его нигде, даже в супермаркете. На мой взгляд, ему где-то около сорока, но борода часто старит мужчину.

– Полли?

– Да? Ой, извини.

– Ты ведь думаешь о том парне из школы, верно?

– Я удивилась, когда он так неожиданно ушел.

– Может быть, он придет на какую-то другую встречу, – говорит Хьюго. – Свежему человеку ваши заседания могут показаться скучными.

В тот вечер, придя домой, я стала укладывать сына спать. После ресторана он выглядит каким-то притихшим. Его костюмчик висит теперь в гардеробе рядом с костюмом клоуна. Рядом с Луи под одеялом собака Фидо – уже безглазая, с вытертым мехом. Это была игрушка дяди Хьюго. «Фидо полуслепой, – шутит Хьюго. – Как и ее бывший хозяин».

– Мы благодарим нашу счастливую звезду за дядю Хьюго, правда? – говорю я. – Что тебе больше всего запомнилось сегодня?

– Мам?

– Что?

– Почему папа ко мне не приходит?

Я тяжело вздыхаю. Понятное дело, Луи задает все больше вопросов, особенно когда мы бываем в парках и ресторанах и видим там дружные семьи.

– Папа занят... – Я глажу его по щеке. – У него много проблем, он их решает. Тут ничего...

Луи отталкивает мою руку. На секунду сердитое выражение глаз сына напоминает мне его отца.

– Какие проблемы? Где он?

– Ему пришлось уехать...

– Куда?

Я знаю ничего не знаю об этом.

– Луи, он...

– Неужели он не хочет увидеть меня в новом костюме?

– Нет, то есть да... – Жалко, что я не знаю, что ему ответить. Что можно и что нельзя говорить пятилетнему ребенку? – Он не может вернуться к нам домой, Луи.

– А где его дом? Мы можем сами пойти к нему.

Я качаю головой.

– Луи, у твоего папы проблемы, – повторяю я и спешу добавить: – Я не могу тебе все объяснить. Но это не значит, что он не любит тебя.

Когда Луи засыпает, я сажусь в кресло-качалку в углу своей спальни. Это мое любимое место в квартире. Тут мне хорошо думается. Из окна виден парк и большие соседние дома с эркерами. Я часто гадаю, что за семья живет за таким вот окном.

Вот так, покачиваясь в кресле, я даю себе слово рассказать Луи правду о его отце, когда он подрастет. Меня гложет чувство вины, что я воспитываю его одна, но в то же время лучше бы Мэтью никогда не появлялся на моем горизонте. Наконец-то я перестала оглядываться назад и спокойно сплю по ночам. Да, я одинокая, но ведь все когда-нибудь погружаются в одиночество, верно? Я сплю, не беспокоясь, что он ходит возле дома и подглядывает за нами, не прислушиваясь среди ночи к чьим-то шагам.

Я никого не виню за свой выбор. Я должна привести себя в норму. Я встала на этот путь и не хочу, чтобы что-то помешало нашей с сыном нынешней жизни.

Но я не могу избежать вопросов, которые появляются у Луи.

У моих родителей было слишком много секретов. Я помню, как моя мать поджимала губы, когда я спрашивала у нее что-либо. Она годами хранила секрет моей тетки Вивьен.

Когда наступит подходящий момент, я расскажу Луи о своем прошлом и о том, что привело нас сюда.

5 1991

Воскресенье. Завтра Хьюго повезут в специальную школу-интернат для слепых.

Мы с ним идем вниз по тропинке к лодочному сараю, впереди идет папа; на нас ярко-желтые спасательные жилеты. Папа сейчас покатает нас на лодке, пока мама готовит на прощание любимую еду Хьюго: жареного цыпленка с ломтиками жареного картофеля.

Мы живем в Норфолке, в доме на берегу озера и реки. Мы не так давно переселились сюда из Лондона, поближе к школе, где будет учиться Хьюго. Мне было жалко уезжать из Лондона, но мама с папой наперебой заверяли, что Лондон никуда от меня не денется и я всегда смогу навестить подружек. У папы новая работа в Норвиче, объяснила мама. Он работает в страховой компании. Это новый старт для всех нас.

Помню, когда мама с папой везли нас с Хьюго в этот наш новый дом, меня впервые в жизни укачало в машине, пока мы прыгали по узкой, извилистой дороге. Я поминутно спрашивала, скоро ли мы приедем. Наш дом оказался у черта на куличках. Бабушка Сью удивлялась, почему мы забрались в такую глушь. Но маме с папой понравился дом, и они решили, что нам нужен сад для игр и вообще много места.

Вот только мама постоянно волнуется, когда мы выходим из дома. «Не играйте в лесу, там водятся гадюки, – говорит она. Или: Не подходите близко к воде, вы можете упасть в нее и утонуть».

Возле старого лодочного сарая пахнет папоротником и водорослями. Папа помогает Хьюго забраться в лодку. Она старая, деревянная и мягко покачивается из стороны в сторону, когда Хьюго карабкается в нее. Я лезу за ним, и папа просит меня быть хорошей девочкой и вставить одно весло в уключину. Когда у нас все готово, папа отталкивается другим веслом от сарая и выводит лодку на открытую воду.

У Хьюго всегда счастливый вид, когда он на воде. Брат вытягивает свои короткие руки. Солнце светит на его круглое лицо с ямочками. Я опускаю руку в воду и провожу по ней пальцами. Хьюго повторяет мои движения.

– Хьюго, ты забыл, что мама сказала? – дразню я. – Тут водится огромная щука, а мы знаем, что у щуки очень острые зубы. – Брат тут же послушно садится прямо и складывает руки на коленях.

– Сейчас мы почти как на затонувшей лодке, – говорю я.

– Папа, как она затонула? – спрашивает Хьюго.

Мы с братом любим эту историю, хотя слышали ее сотню раз.

– Ну, все это было почти сто лет назад. Двое влюбленных...

– Чмок-чмок, – вклинивается Хьюго и подталкивает меня локтем.

– Веди себя прилично, а то я не буду рассказывать, – сердится папа. – Так вот... Двое влюбленных не могли видеться друг с другом. Их семьи враждовали.

– Почему? – спрашиваем мы в один голос.

– Так получилось... Не задавайте лишних вопросов, иначе мы никогда не доберемся до конца этой истории. Они не могли видеться при свете дня, поэтому встречались каждую ночь в лодочном сарае, когда часы пробьют двенадцать и родители заснут. Они садились в лодку и отплывали от берега. Озеро было прекрасно при лунном свете, и все было хорошо. Но однажды ночью случилась ужасная гроза. Девушка испугалась и предложила вернуться домой. А парень только раззадорился! Его тянуло в увлекательное приключение... Сверкали молнии, гремел гром, маленькая лодка раскачивалась на волнах. Девушка упрашивала влюбленного плыть к берегу, но он хотел доказать свою храбрость и говорил, что никакие

силы не помешают им быть вместе. Ну конечно, они потеряли весло и наткнулись на затонувшее дерево, вот тут. – Папа показывает на воду. Мы подплываем к затонувшей лодке и глядим в темную воду. Мне жутковато. Даже сиденья еще целы. Я представляю себе девушку с длинными рыжими волосами, они плавно колыхнутся вокруг ее головы под водой, а изо рта у нее выплывают водоросли.

– И они утонули, – говорит папа. – Всем пришел конец.

Я покрываюсь мурашками ужаса всякий раз, когда слушаю эту историю.

– Теперь их призраки живут в озере. Но это полезные призраки, – продолжает папа, – они напоминают нам, что рисковать так глупо – нельзя.

Я гляжу на мрачную воду... Какие еще тайны скрыты в ее глубине?

На следующее утро папа, мама, Хьюго и я завтракаем. Папа взял отгул и теперь отвезет Хьюго в его новую школу-интернат. Он знает, что маме будет очень грустно возвращаться домой без сына. К тому же он тоже хочет попрощаться.

– Пожалуйста, можно я с вами? – в который раз прошу я и отодвигаю от себя кашу – ее комки застревают у меня в глотке.

– Тебе надо в школу, – отвечает мама, намазывая маслом хлеб.

Еле удерживая слезы, я с мольбой гляжу на папу.

– Нет, Полли, – сердится мама. – Мы уже говорили с тобой об этом.

– Пап? – делаю я последнюю попытку.

– Лучше послушайся маму.

Почему он всегда с ней соглашается?

– Пожалуйста, пускай она поедет, – слышится тонкий голосок брата.

И вот чуть позже мы везем Хьюго в школу на стареньком «БМВ» бутылочно-зеленого цвета. Мы с братом играем в автомобильные игры, папа напевает свою любимую песню «Встреть меня в Сент-Луисе». Когда он ее поет, мы всегда хохочем, особенно на словах «ууу-хи-кууухи» и «туутси-вуутси».

Возле школьных ворот мама велит папе остановить машину. Я держу Хьюго за руку, пока мама расстегивает ремни. Потом она сажает его на колени, гладит по голове, обнимает, и мы медленно едем к высокому зданию из серого камня с обширными зелеными газонами по обе стороны дороги. Школа-интернат с ее башенками и множеством узких окон похожа на замок. Мы приближаемся к двору с фонтаном, где купидоны льют струи воды. Папа выключает мотор. Высокий сухощавый мужчина с усами и в костюме уже спускается по каменным ступеням и идет к нашей машине.

– Подожди, – говорит мама. Ручки Хьюго крепко обнимают ее за шею.

Я нервничаю, вылезая из машины и гляжу на величественное здание, заранее испытывая страх за своего брата. Я не представляю себе, как тут жить, и уверена, что в этой школе полно привидений. Папа открывает багажник и вытаскивает чемодан Хьюго с его новой одеждой, в которой он начнет свою новую жизнь. Потом жмет руку усатому мужчине и говорит мне, что это мистер Барри, директор школы-интерната.

Мистер Барри протягивает руку и мне. От него пахнет сигарами.

– Привет, Хьюго, – говорит он.

Брат бросается к маме.

– Я не хочу тут жить, – тихонько скулит он и внезапно кажется мне маленьким и хрупким.

Мистер Барри пытается увести его. Хьюго замахивается, бьет его по руке.

– Хьюго, – говорит отец, отводя его в сторону, и в его голосе я слышу слезы, – тебе тут будет хорошо, тебе понравится, правда, а через несколько дней будут выходные, и мы все увидимся.

Слезы текут по лицу брата; у него покраснели глаза. Я бегу к машине, достаю с заднего сиденья собачку Фидо, любимую игрушку брата, и сую ему в руки.

– Когда тебе будет грустно, вспомни, как мы катались на лодке, – шепчу я. Тут папа говорит, чтобы я обняла на прощание Хьюго. Нам пора уходить.

– Воспитательница поможет ему устроиться, – приговаривает мистер Барри. – Мы будем к нему внимательны.

Уезжая по длинной школьной дороге, мы слышим плач Хьюго.

– Не оборачивайся, – говорит папа. Но поздно. Мы с мамой видим, как мистер Барри с трудом удерживает Хьюго – тот вырывается и хочет бежать за нами. Фидо валяется на земле.

– Что мы натворили? – говорит мама.

В этот вечер я долго не могу заснуть. По дороге в ванную слышу, как мама с папой разговаривают на кухне. Я тихонько спускаюсь вниз и сажусь на нижней ступеньке. В моем сердце затеплилась вдруг надежда. Может быть, они говорят о том, что завтра заберут Хьюго из этой мрачной школы?

– Джина, ведь ты сама понимаешь, что мы поступили правильно, – говорит папа. – Чем раньше Хьюго окажется среди таких же детей, как и он сам, тем для него лучше. Мы должны проявить мужество и отпустить его.

– Да, я понимаю, но все равно чувствую свою вину. Ему только семь лет, он слишком маленький.

– Специалисты считают, что это самый подходящий возраст. Да, он совсем маленький, но школа Полли никогда не даст ему такие же возможности.

Мама уже объяснила мне, почему Хьюго должен учиться в школе-интернате. Там у всех учащихся проблемы со зрением, классы маленькие, а учителя знают, как помочь таким детям, как Хьюго, преодолевать барьеры. Специалисты объяснили моим родителям, насколько важно, чтобы Хьюго как можно скорее начал общаться с такими, как он, детьми. Чем дольше они будут это откладывать, тем труднее потом будет не только для них, но и для Хьюго.

– Это была твоя идея. Я согласился на эту должность ради Хьюго! Ради тебя! – продолжает папа.

– Знаю!

Я слышу, как папа откупоривает бутылку.

– Вот, – говорит он.

– Нет.

– Давай-ка, Джина, выпей немного.

– Нет.

– Ради бога, от одной тебе ничего не будет! – Я не привыкла к тому, что папа повышает голос. – Это бренди.

– Нет.

– Смотри на это как на лекарство. Ты легче заснешь.

– Я не хочу! Это отравка! – Я слышу, как разлетелась, ударившись об пол, рюмка, и вцепляюсь в перила.

– Джина, ты не Вивьен!

Кто такая Вивьен?

– Не смей упоминать ее имя в этом доме! – кричит мама.

– Хорошо. Но я хочу выпить и выпью. Он и мой сын. – Папа молчит, потом продолжает: – Без него будет непривычно, но у нас есть Полли, нам надо заботиться о ней. Мы должны быть сильными.

– Я знаю, но...

– Ты слишком строга к ней.

– Трудно не любить Хьюго больше, чем ее.

Я вскакиваю, слезы душат меня.

– Полли? – вскрикивают они.

Я бегу к себе наверх, укрываюсь с головой одеялом и притворяюсь спящей, когда мама открывает дверь. По моим щекам текут слезы.

6 2013

Первый учебный день после рождественских каникул. Через четверть часа нам с Луи пора выходить.

– Лондон горит, Лондон горит! – пою я, собирая коробочку с ланчем. – Доставай пожарную машину!

– Вызывай пожарную машину! – поправляет меня Луи.

– Заливай пожар водой, заливай водой!

Луи спрыгивает с дивана и хватает свою пожарную машинку, которую мы с Хьюго подарили ему на праздники. В нашей квартирке все на виду. Из кухни я вижу, как Луи тушит огонь пожарной помпой – насосом для воздушных шариков.

Я смотрю на часы.

– Мамочка, спой еще.

Я качаю головой.

– Мы опоздаем.

– Что сказал большой помидор, когда маленький попал под машину?

– Не знаю. Ну-ка, живо надевай носки!

– Как ты, кетчуп? Почему у нас нет машины?

Мы не можем ее себе позволить, вот почему.

– У нас есть ноги, Луи.

– У папы нашей Мэйси есть и ноги, и машина.

– Я рада за него. Пойдем! – Я поторапливаю его натянуть второй носок.

В довершение всего я помогаю Луи надеть шерстяную куртку. Застегиваю молнию. Он надевает перчатки и шерстяную шапочку-льва. Берет рюкзак и мешок с физкультурной формой. Я стараюсь не думать о том хаосе, который остался в гостиной. Летим к двери.

– Ма, мне нужно в туалет, – сообщает вдруг сын.

Мы с сыном мчимся через Примроуз-Хилл. Нам некогда любоваться на телебашню и красивый дом абрикосового цвета. Луи притормаживает возле маленькой писающей собачки и уже открыл было рот попросить у немолодого хозяина разрешения ее погладить, но я хватаю его за руку и волоку дальше, с ужасом ожидая, что меня ждет строгое нареkanie за опоздание.

Одновременно с нами к воротам школы подбегают Бен и Эмили. Пальто на Эмили застегнуто не на те пуговицы, оттого перекошено, волосы заплетены в кривую косичку.

– В офис я всегда приходил к шести тридцати, – запыхавшись, бормочет Бен, когда мы бежим к классной комнате. Голос в моей голове советует пригласить его на чашку кофе.

Я помогаю Луи повесить куртку и положить рюкзак на выдвижной лоток. И вот он несет к своим друзьям, к столу, накрытому искусственной травой, на которой «пасутся» игрушечные домашние животные.

– Ой, забыл! – кричит он, сообразив, что забыл отметить. На стене – картина морского берега; каждый ребенок – какой-то морской обитатель. Луи хватается краба на липучке, на котором написано его имя, и сажает его на «пляж», рядом с другими морскими жителями.

– Молодец! – Я наскоро чмокаю его на прощание в макушку. – Будь умником.

За воротами мамочки сбиваются в привычные стайки. Я приветливо киваю Джиму, нашему папе-домохозяйке, а сама высматриваю Бена. У Джима двое детей: Мэйси, одна из

лучших подружек Луи, и двухлетний Тео, вцепившийся сейчас в отцовскую руку, пока Джим ведет его в младшую группу. На Тео красный комбинезон в рубчик, который так не подходит к его морковно-рыжим волосам. Джим худощавый и подтянутый, ибо много часов проводит на фитнесе. Когда его дети подрастут, он хочет выучиться на учителя физкультуры. Я помню, как он впервые возник у школьных ворот – в ореоле какой-то загадочности. Как-то раз одна из мамочек увидела его в бассейне; на нем были облегающие плавки, оставляющие мало простора для игры воображения. На следующее утро этой новостью с восторгом делились все собравшиеся у школьных ворот.

Джим, отведя Тео в группу, подходит ко мне, и я вижу, что, сунув руки в карманы, понурый, к нам вяло плетется Бен. Оказывается, высматривала его не я одна – Габриэла, сексапильная итальянка в шубке из искусственного меха, семенит к нему, цокая тонкими каблуками. У нее в руках ярко-оранжевое блюдо. Она замужем, но это не мешает ей флиртовать направо и налево.

– Какая досада! – комментирует сцену Джим и талантливо корчит рожицу. – Почему мне никто не преподносит лазанью?

Бен привлекает к себе внимание по разным причинам. Смерть сестры и забота о племяннице сделали его объектом сочувствия и вместе с тем возвели среди школьных родителей в ранг героя. Я чувствую, что и то и другое его тяготит, из-за этого он испытывает невероятный дискомфорт и всегда держится в стороне. Так что никому не удастся познакомиться с ним поближе, даже вездесущей и напористой Габриэле.

Вот она, эффектным движением откинув назад свои темные волнистые волосы, дотрагивается до плеча Бена и начинает ему в подробностях объяснять, как разогреть лазанью. Потом, сочувственно кивая, о чем-то расспрашивает.

Сама не понимая как, я оказываюсь возле них.

– Прошу прощения, – говорю я Габриэле и поворачиваюсь к Бену, – я просто хочу спросить, не присоединитесь ли вы к нам с Джимом. Мы идем пить кофе.

– Я не пью кофе, – отвечает Бен.

Итальянский парфюм Габриэлы сшибает с ног.

Он смотрит на часы.

– Но у меня есть время на чашку имбирного чая.

Джим, Бен и я сидим за нашим всегдашним с Джимом угловым столиком в маленьком кафе «Кэмемайл»³ на Инглендс-Лэйн, почти рядом с моей квартирой. Тут всегдалюдно.

Мы с Джимом с удивлением узнаем, что Бен живет на Челкот-сквер, в одном из импозантных домов, окрашенных в пастельные тона разных оттенков. Бен, как бы извиняясь, сообщил нам, что прежде он был брокером в Сити. Сейчас ему тридцать шесть.

– Конечно, вы можете ненавидеть меня. – Он пожимает плечами. – Я понимаю, мы разрушаем весь мир. Если честно, то я пошел на работу в Сити, потому что не знал, чем еще заняться. У меня скудное воображение. – Его рот кривится в легкой усмешке. В его манере есть что-то привлекательное, но вообще он явно не мой тип. Я всегда предпочитала блондинов.

– Что ж, кто-то ведь должен управлять нашей экономикой, – вежливо отвечает Джим. Бен опять пожимает плечами.

– Знаете, все было не так уж плохо, но в конце концов я ушел оттуда. Такой стиль жизни не для меня.

Вот почему он приходил в АА?

– Чем же вы теперь занимаетесь? – спрашиваю я.

---

³ Ромашка (англ.).

– Я бухгалтер. Занятие весьма негламурное, – он сухо усмехается, – но мне нравится независимость. Я фрилансер, сам себе хозяин и работаю с действительно интересными клиентами, часто из креативных кругов. Да и, честно говоря, сейчас мне удобнее работать дома. Чтобы присматривать за Эмили.

– Как у нее дела? – спрашивает Джим.

– Директриса сказала – она спокойная, подавленная, что неудивительно. Я уверен, вы знаете... моя сестра Грейс, мать Эмили, умерла прошлым летом.

Мы киваем.

– Вам сейчас нелегко, – говорю я, изо всех сил удерживаясь от того, чтобы не закивать сочувственно. – Я давно хотела поговорить с вами, но не была уверена, что вы...

Он останавливает меня.

– Все случилось внезапно. – Бесстрастным тоном Бен рассказывает нам, что сестра умерла от гипертрофической кардиомиопатии, болезни сердца, вызывающей утолщение стенки желудочка. Не было никаких симптомов; они даже не знали про эту болезнь. Она скончалась ранним утром. – Эмили пошла будить маму. Бедная девочка.

Мы с Джимом молчим.

Бен объясняет, что у Эмили он единственный родственник.

– Мы с Грейс были очень близки. Когда у нее родилась дочь, она взяла с меня слово, что я стану ее опекуном, если что-нибудь случится. Разумеется, я согласился, будучи уверен, что если что-то нехорошее и произойдет, то со мной. Понимаете, Грейс была оптимистка, в хорошей физической форме. Она была специалистом по акупунктуре, работала дома. В отличие от меня, она почти не прикасалась к алкоголю и не курила. Никогда в жизни. Жила за городом, каждое утро начинала с того, что медитировала, была, что называется, сдвинута на загрязнении окружающей среды, поэтому ездила везде на велосипеде. Она была старше меня всего на три года. По иронии судьбы, она часто шутила по поводу того, что ей не хочется быть сорокалетней. И умерла, не дожив до сорока нескольких дней. Почему в мире все так нелепо? Ведь это я должен был лежать в могиле. – Он коротко вздохнул. – Я холост, не был до той трагедии связан никакими обязательствами. Теперь я все, что есть у Эмили, я обещаю Грейс заботиться о ней. Но, честно признаться, я не уверен, что гоюсь на роль отца. Ведь я даже не отец, верно? Я дядя для Эмили, но теперь, после ухода Грейс, похоже, что она не хочет и знать меня.

Я жду, что Джим что-нибудь скажет. Но он молчит. Я открываю рот, но Бен меня опережает:

– Простите, но, по-моему, вы уже жалеете, что пригласили меня на кофе. – Он берет пачку красных «Мальборо» и говорит, что через секунду вернется.

Проходит пять минут, а Бен все еще курит на улице. Джим приоткрывает крышку лаза-
ныи.

– Как-то раз Габриэла приготовила для меня тирамису. Ее муж, должно быть, величин-
ной со слона. – Помолчав, он спрашивает: – Как ты думаешь, где отец Эмили? – И, не дожидаясь ответа, продолжает: – Бедный Бен, он...

– Заткнись.

– Сама заткнись. – Джим обиженно поднимает брови.

– Он вернулся, – говорю я одними губами.

– Ох. – Крышка судорожно захлопывается. Бена встречает неловкое молчание.

– Пожалуйста, говорите обо мне сколько угодно. – Он садится и швыряет пачку на стол.

– Простите. Я просто сказала Джиму, – импровизирую я, – что мне даже трудно пред-
ставить себе, каково вам сейчас. Я сама мать-одиночка и, в общем-то, понимаю ваши про-
блемы. И я с радостью в любое время могу присмотреть за Эмили.

Джим поддерживает меня.

– Я тоже, приятель. Если я могу чем-то помочь...

– Ну, кое-чем можете.

– Да? – в один голос восклицаем мы с Джимом.

– Вон те маффины выглядят весьма аппетитно. – Бен ткнул пальцем в направлении стеклянной витрины с пирожными.

За маффинами Джим рассказывает Бену о Вайолет Рейд, председательнице родительского комитета.

– Она считает меня ненормальным, раз я не работаю. Мне нравится ее дразнить, я говорю ей, что целыми днями хожу по дому с метелкой из перьев и стряхиваю пыль. – Джим невероятно смешно изображает, что стряхивает пыль с нашего стола. – В этот раз перед собранием я слышал, как она сказала кому-то из наших дам... – И Джим артистично передразнил Вайолет с ее квакающей интонацией: – Я уважаю мужчину, когда он мастер на все руки и не боится менять памперсы у ребенка, но если мой муженек вдруг станет разбегаться по дому на детском велосипеде, я потеряю к нему всякое уважение!

– Как вы называете таких мужчин, как мы? – Бен взглянул на Джима, и в его глазах мелькнула смешинка.

– Домашние папаши или, по определению моей тещи, ленивые сволочи, – хмыкает Джим и рассказывает Бену, что думает семья его жены Камиллы о такой смене традиционных ролей и как тяжело встречаться с этой родней на Рождество. – Дело в том, что Мила не создана для роли домашней хозяйки и ну просто погибает без своей юриспруденции, да и зарабатывает она больше. Я ненавижу свою работу в местном муниципалитете, так что такое распределение семейных обязанностей нас вполне устраивает, но вот теща смотрит на это иначе. Рождество вообще превратилось в полный кошмар, – продолжает Джим, наслаждаясь вниманием слушателей. – Мало ей называть меня ленивой сволочью. Она еще интересуется, что я делаю весь день, пока ее дочь работает до посинения. Не маффины ли трескаю, лежа на диване? – Со свирепым лицом он берет маффин с черничной начинкой и откусывает от него. Мы с Беном смеемся.

– Эх, Джим, как жаль, что тебя нельзя клонировать, – вытирая слезы от смеха, говорю я. – Нет, серьезно, большинство мужиков слишком много мнят о себе, чтобы что-то делать по дому.

Если бы они знали всю правду о Мэтью! Джим знает, что у меня в личном плане произошла катастрофа, что я посещаю АА, но это лишь половина истории. Я до сих пор внутренне содрогаюсь, слыша в ушах его голос: «Если я еще раз услышу утром, как этот ребенок орет, я вышвырну его в окно».

– Бен, он делает все, – продолжаю я. О, как мне хочется стереть из памяти те воспоминания! Как учитель стирает с доски написанную мелом фразу.

– Это не обуза, – заявляет Джим. – Это выбор и привилегия. Хорошо, когда кто-то заботится о твоём ребенке, когда он совсем крошечный. Но мне самому хотелось баюкать моего Тео, носить его на руках, хотелось быть рядом, когда он говорил первые слова. Мне кажется важным, чтобы за детьми ухаживал один из их родителей. Ой, простите, я ляпнул бестактность, – спохватился он, переводя взгляд с Бена на меня. – Я просто не подумал.

Бен кивает.

– Больше всего меня сейчас мучают сомнения. Откуда вы знаете, что правильно делать, как правильно воспитывать ребенка? По ночам я лежу без сна и думаю о том, что эта девочка – это маленькая личность, и ее счастье – в моих руках. Меня это пугает.

– Меня тоже, – признаюсь я.

– Сегодня утром она попросила заплести ей косички, – продолжает Бен.

– Ах, волосы – пустяки, – отмахивается Джим. – Парочка тренировок...

- Я могу дать вам урок, – предлагаю я.
- Бен, мы с вами в меньшинстве, поэтому должны держаться вместе. – Джим поднимает кружку и кивает Бену.
- Тогда за домашних пап-дядей, – возглашает Бен.
- И матерей-одинок, – добавляет Джим.
- Я присоединяюсь.
- Так доставай свою трубку и закуривай ее.

Вскоре Джим уходит забирать Тео из садика. Мы с Беном покидаем кафе. Идем по тротуару, каждый погружен в свои мысли. Я набираюсь храбрости и говорю:

– Бен, можно спросить у вас... – Скажи ему, что ты видела его на собрании! В последний момент я трушу. – Где отец Эмили?

– Ах, да... Хм-м. Когда Грейс сообщила ему о своей беременности, он сбежал. Ей было нелегко принять решение, но она всегда хотела детей.

– А ваши родители? Они не могут помочь вам?

– Мама умерла не так давно, а отца не стало, когда мне было четыре года. Жив мой отчим, увы.

– С отчимами у многих бывают не самые простые отношения.

– Дело не в том, что он отчим, – резко говорит Бен. – Дело в личности. Он ужасный, мелочный тип, выскочка.

Мы сворачиваем на Чалкот-сквер.

– Ну, пожалуй, пойду на работу, – говорю я, чувствуя, что беседа зашла в тупик. – Была рада по...

– Сегодня вечером вы свободны?

– Сегодня вечером?

– Я был бы не прочь поучиться заплетать косички. Эмили все время просит какую-то рыбью косу.

– Может, французскую?

– Да-да, возможно. Мне кажется, вы в этом деле кое-что понимаете. Если вы научите меня, я заработаю очки у Эмили, и она станет чуточку счастливее.

Он упоминает ее имя без особых эмоций, и это меня неприятно задевает.

– Договорились. Это будет деловая встреча, а не свидание. – Ох, Полли, заткнись!

– Встретимся после школы? Приглашаю вас на лазанью... – картинным жестом он указывает на оранжевое блюдо-контейнер. – Вы окажете мне честь. Габриэла наготовила столько, что можно накормить весь юг Англии.

– С удовольствием. – Не уверена, что Габриэла возрадуется.

– Хорошо. Тогда до встречи. – Впервые за это утро он улыбается. Я улавливаю в этой улыбке намек на человека, скрытого за щитом одиночества.

7

Бен ведет меня в гостиную. Я таращусь на стильный камин, на коричневый кожаный диван с такими же креслами (у них такой вид, словно они только что куплены), на белые стены.

– Мне тут скучно, – хнычет Луи, моментально почувствовав, что эта квартира не предназначалась для детей. Никаких экскаваторов, грузовиков и коробок с игрушечными инструментами, никаких ковров, только девственные деревянные полы.

– Поиграй с Эмили, ладно? – предлагаю я, глядя на картину в виде гигантской оранжевой кляксы.

Эмили пятится от нас, словно мы прокаженные. За все время, пока мы шли из школы, она не произнесла ни слова. Я не представляю, что творится в ее голове. Возможно, и сама она тоже. Наверняка она испугана, и в голове у нее путаница, но она не может это выразить. Судя по тому, что я успела узнать о Бене, он едва ли в силах помочь ей, тем более что и сам скорбит о сестре.

– Эмили, ты хочешь почитать книжку? – спрашивает Бен так, словно читает инструкцию. – Или как-нибудь перекусить перед обедом? Сок? Телевизор?

Неудивительно, что они голосуют за сок и телевизор.

Я следую за Беном в белую кухню, где на столешницах нет ничего, кроме кофейной машины и музыкальной системы. В центре кухни островок с двумя стильными серебристыми стульями. Бен открывает холодильник, вытаскивает молоко и две коробки яблочного сока. Включает чайник.

– Чашку чаю?

– Спасибо, – отвечаю я, чувствуя себя немного неловко в этой квартире как с фешенебельной мебельной выставки. Луи с Эмили смотрят телевизор, пораскрыв рты, – очень похоже на двух золотых рыбок. – Стоит только заработать ящичку, как они превращаются в зомби.

Бен протягивает мне кружку.

– Да, Эмили смотрит его слишком много, но я просто не знаю, чем еще занять ее. Она не играет в игрушки.

Игрушки? Какие игрушки?

Я видела тебя на собрании.

– Может, ее нужно показать консультанту? – продолжает Бен.

– Хм-м. Возможно.

Пожалуй, деньгами тут проблему не решить, сколько их ни швыряй. Но опять же, раз он не может с ней разговаривать...

Я обвожу взглядом кухню. Девочке нужен дом, наполненный любовью и радостью. Ей нужно понимать, что происходит. Я плохо представляю себе, как видит смерть ребенок. Взрослому страшно потерять мать или отца; каково же было Эмили? Ей необходимо, чтобы Бен говорил с ней о Грейс, чтобы оживить память о ней. Задает ли она вопросы, как Луи, спросивший меня про отца? Ему трудно понять, почему у него нет папы, если этот человек жив-здоров.

Сын отвлекает меня от этих раздумий, заявив, что ему нужно в туалет.

– Да-да. Вон там, за углом, последняя дверь направо, – объясняет Бен. Луи хочет, чтобы я его проводила, он всегда цепляется за меня, когда мы не дома.

Держась за руки, мы идем по коридору. Я, не удержавшись, бросаю быстрый взгляд в спальню Бена. Там велотренажер, двуспальная кровать, столик. Ни фотографий, ни вещей, которые сказали бы мне о нем хоть что-то. Эту квартиру трудно назвать домом; скорее это

сцена, где актеры не выучили свои роли. Мы все живем в четырех стенах, которые могут наполняться смехом, надеждой, покоем, любовью и прочими эмоциями. В этих стенах живет печаль. А когда мы с Мэтью жили вместе, в стенах нашего дома обитал страх.

Все вместе мы едим лазанью (вкусно, спасибо тебе, Габриэла!) за круглым обеденным столом.

– Эмили, а потом Полли научит меня, как заплетать тебе косы, – с какой-то неестественной, натужно-пафосной интонацией говорит Бен. – Давай, ешь, ведь ты голодная. – Он берет вилку и принимается за еду.

Эмили отворачивается от него. Бен кладет вилку.

– Тебе нужно есть, – говорит он, стараясь не выходить из себя.

– Мапочка говорит, что если я не буду есть, я стану маленьким! – Луи размахивает в воздухе вилок.

– У меня нет больше мамочки, – сообщает Эмили. – Она умерла.

Это первые слова, которые она произнесла за все время. У меня наворачиваются на глаза слезы. Я бросаю взгляд на Бена. Вид у него несчастный.

– Мне так жалко, Эмили, – говорю я. – Ты очень тоскуешь без нее.

Она кивает.

– У нее остановилось сердце. Мапочка говорила, что мы улетаем на небеса, – продолжает Эмили, ковыряя в тарелке лазанью.

– Что такое небеса? – спрашивает Луи.

– Место, где живут самые чудесные вещи, – говорю я. – Все вещи, которые делают тебя счастливым.

Луи задумался.

– И пирожные с кремом?

– Да-да, много пирожных с кремом.

– А там есть сад? – допытывается Луи. – Чтобы пускать в нем ракеты?

– Да, – к моему удивлению, отвечает Эмили, – там есть большой сад, и в нем много цветов и собачек.

Эмили красивая девочка, у нее длинные, блестящие каштановые волосы, красивые губки и миндалевидные зеленые глаза. Вот только ей надо поправиться, а то кожа да кости. Так и кажется, что ее может сдуть любой порыв ветра.

– А машины? У нас нет машины. А у тебя есть машина, Эмили?

Она кивает.

– У дяди Бена есть машина без крыши.

– Ненадолго, – бормочет он.

– Я хочу посмотреть на небеса, – объявляет Луи. – Мам, когда мы туда поедem?

– Это невозможно. Люди не возвращаются с небес. – Луи, пожалуйста, перестань задавать глупые вопросы.

– А-а. Почему?

– Ну... – Я не знаю, что ответить, и кашляю. К счастью, сын вдруг переключается.

– Сегодня имя Мэйси написали в красной книге, – сообщает он. Я напоминаю Бену, что Мэйси дочка Джима, и читаю на его лице облегчение от того, что мы сменили тему.

– Почему же она попала в красную книгу? – спрашиваю я.

– Она набросала в унитаз много бумаги.

– Откуда ты знаешь?

– Когда она пришла в класс, к ее юбке прилипла туалетная бумага! – Луи радостно гогочет, ему эта подробность кажется ужасно смешной.

– Что за красная книга? – спрашивает Бен.

– Если твое имя написано в маленькой красной книге, значит, ты шалил, – поясняет Луи не без лицемерия.

– Как ты думаешь, там есть твое имя? – интересуюсь я.

Он заливается краской, даже уши краснеют.

– Кажется, нет, мам. Нет.

– Как ты думаешь, могло бы там оказаться твое имя?

– Могло бы, – отвечает он после небольшой паузы.

– Как ты думаешь, ты все-таки есть в красной книге?

Луи кладет вилку с ножом и нехотя отвечает:

– Все-таки да, мамочка.

Снова пауза. Потом мы все смеемся, даже Эмили. Бен смотрит на нее так, как будто это первый смех в ее жизни. А девочка принимается за лазанью – съедает одну вилку, другую. Я мысленно уговариваю ее поест еще. Когда мы убираем тарелки, Бен говорит, что Эмили съела сегодня больше, чем за целую неделю до этого.

– Вам надо приходить к нам чаще, – шепчет он.

– Так, эту вот прядь сюда, – говорю я, – а потом вот эту сюда...

– Он не поцарапает пол, а? – беспокоится Бен, оглядываясь через плечо на Луи, гонящего по квартире машинку.

– Пожалуйста, сосредоточьтесь на работе, – говорю я ему и бормочу: – Перестраховщик. Между прочим, я и сама такая.

Он поднимает бровь.

– Раскомандовалась.

– Ой! – Эмили вырывается с воем.

– Извини, миленькая. Вы кладете эту прядь поверх этой, а потом берете следующую вот отсюда...

– Я никогда не научусь это делать, – сникает Бен, качая головой. – Занятие посложнее, чем астрофизика.

– Не говорите глупости.

– Не говорите глупости, – повторяет Эмили.

– Потом заканчиваете... вот так... и смотрите. – Я завязываю бант на конце косички и поворачиваю Эмили к себе лицом.

Она нерешительно щупает рукой волосы и говорит:

– Вы мне нравитесь.

Мое сердце тает.

– Это очень приятно, потому что ты мне тоже нравишься, – говорю я. Мы с Беном меняемся местами на диване. Бен просит Эмили снова сесть на пол перед ним. Закатывает рукава. Мы расплетаем косичку. Бен расчесывает щеткой ее волосы.

– Ой-ой! – визжит она. – Дядя Бен!

– Неженка, – говорит он, и впервые за сегодняшний вечер мне кажется, что ему нравится происходящее. – Вот так? – Бен ухватывает большую прядь волос.

Я наклоняюсь к нему:

– Нежнее. Вот так... теперь поверх этой пряди...

– Она расплзается, ох, блин, то есть сахар.

– Ох, блин, – повторяет Луи, проносясь мимо нас, на этот раз с пожарным вертолетом.

– Ох, блин, – эхом отзывается и Эмили.

– Виноват, извините, – бормочет Бен, когда я ругаю сына за нехорошее слово. – Вот. – Он вплетает в косу ярко-розовую ленту.

– Неплохо, – одобряю я. Косичка неплотная и долго не продержится, но... – У вас есть потенциал. Эмили, ступай посмотришься в зеркало. – Она плетется к себе. Я толкаю Бена, чтобы он пошел за ней.

Спальня девочки меньше, с узкой кроватью под розовым покрывалом. На подушке лежит игрушечная овечка. На стене очередная современная картина с красным пятном посередине. Наводит на мысль о носовом кровотечении.

– Хорошо, – говорит ребенок и выходит из спальни, не глядя на нас. Бен присаживается на краешке кровати и тяжело вздыхает, словно на его плечах держится весь мир.

Я сажусь рядом с ним и не знаю, где найти нужные слова. Я обвожу взглядом голую комнату.

– Я был очень дружен с Грейс, но в последнее время мы общались только по телефону. Она все время уговаривала меня приехать к ним и пожить какое-то время. – Он печально улыбается. – Я неплохо знал Эмили, но я вообще никогда не умел общаться с детьми, как вы сами, скорее всего, видите. Мысль о своем ребенке... – Он тяжело вздыхает и машет рукой, словно об этом не могло быть и речи. – И вот она здесь... Теперь мы с ней почти чужие.

– Время лечит, – утешаю я его. – Со временем все наладится... Где же ее игрушки?

Он жестом показывает на ящик под окном. Я открываю крышку – там в беспорядке перемешаны куклы, корзинка с деревянными фруктами и овощами, игрушечная касса и парочка деревянных ходулей.

– Она больше не хочет играть в них, – говорит Бен.

Я задумываюсь и не нахожу правильного ответа, но что-то мне подсказывает, что Бен должен испробовать другую тактику, ведь положение такое, что хуже не бывает.

– Возможно, вам нужно поиграть вместе с ней, – советую я. – У нее есть фотография мамы?

– У меня много альбомов. – Он глядит в окно. – Я решил, что это ее огорчит, ну, понимаете, если она будет видеть фото Грейс... Ночью она часто смотрит на небо. – Он хмурит брови. – Спрашивает о мамочке. – Он снова поворачивается ко мне, в его глазах паника. – Я не уверен, что гоюсь на эту роль.

– Годитесь, Бен. – Я снова сажусь рядом с ним. – Вы все, что у нее есть. Она потеряла самого важного человека в ее мире и не должна потерять еще и вас.

– Я знаю, но...

– Вы ее дядя, а теперь – и отец.

Мы молча сидим. Мне хочется спросить его насчет АА.

– Бен, можно спросить вас о...

– Вы видели меня.

Мы снова неловко глядим друг на друга, потом я говорю:

– Вы быстро ушли. Я хотела догнать вас... Вы были там в первый раз?

– Нет, иногда я заглядывал и раньше. Я не уверен, что все это для меня, все эти публичные исповеди, рассуждения о чувствах. – Он морщится. – Мне неинтересно слушать, как старина Боб проснулся в мусорном баке, но выкарабкался оттуда.

Я невольно улыбнулась.

– Там есть и многое другое. Я встретила с очень хорошими людьми. – Я думаю о музыкальном продюсере Райене, о милом старине Гарри, о Нев, моем спонсоре.

– Почему вы ходите туда? – Спрашивая, он глядит перед собой.

– Спиртное. А вы?

– Пьянство и наркотики. Спиртное вместе с наркотой. Пара бокалов вина, дорожка кокаина. Мой дилер был всегда под рукой. – Он передернул плечами. – Полли, это было довольно давно, когда я работал в Сити. В тридцать я стал лечиться и потом не оглядывался

назад. Но теперь не знаю... Я не колеблюсь, хотя, быть может... в общем, потеряв Грейс... да еще эти хлопоты с Эмили... я перегрелся...

Я гляжу на Бена. Он богатый, у него дорогой костюм, привлекательная внешность (если только он сбрит эту бороду), богатая квартира, но внутри у него я вижу лишь пустоту.

– Но если вам нужно поговорить, если вам нужен друг...

Он поворачивается ко мне, в его темно-карих глазах теплое выражение.

– Вы уже помогли мне... с косами. – Он замолкает и берет за голову. – Я беспокоюсь, что потеряю клиентов. Я никак не могу сфокусироваться, мне нужно...

– Слушайте, – перебиваю я, – любой на вашем месте чувствовал бы себя так же. Не надо спрашивать с себя слишком много.

Он кивает.

– Когда вы начали пить?

– В двенадцать.

– В двенадцать!

– Ой, поверьте мне, некоторые начинают и раньше.

– Почему вы пили?

– Не знаю. Внутри была пустота, – все, что я могу сказать. – Вероятно, бегство от жизни. – Когда я пила, у меня наступал покой в душе. А у вас?

Он задумался.

– Нормальная дорога в жизни, как известно, женитьба и дети. Мне это казалось невыносимо скучным. Я решил не идти по той же дороге, как мои мать и отчим. Такую семейную жизнь, как у них, я не пожелаю и злейшему врагу, – признался он. – И я решил жить весело, пить, проводить время на вечеринках. Я не хотел тратить силы на отношения, ограничивавшие мою свободу. Теперь я вижу, что такая жизнь не ведет к счастью. – Он замолкает и проводит пальцами по своим густым, волнистым волосам. – Вообще-то мне чуточку тяжело. Я почти вас не знаю.

– Иногда легче разговаривать с совершенно незнакомыми людьми.

– Теперь-то вы не совсем незнакомая.

Мы улыбаемся, и в этот момент я вижу, как между нами проскакивает искра, и я понимаю, что мы с Беном станем добрыми друзьями.

8 1994

Я сижу на кухне, меня ругают; папа просит маму успокоиться. Она клокочет от ярости, читая письмо моей директрисы.

– Полли, зачем ты это сделала?

Мы с моей лучшей подружкой Джейни решили заработать деньги на сигареты и устроили на углу спортивной площадки парикмахерскую.

– Мам, но она сказала, что ей нравится. – Девчонки приносили картинки из гламурного журнала с понравившимися стрижками, и мы с Джейни их копировали. Все шло гладко, пока Люсинда не захотела короткую стрижку спайк, как у Хелены Кристенсен. Я добросовестно скопировала ее, но из письма, которое читала мама, было ясно, что родители Люсинды пришли в неистовство.

– Люсинда была довольна! – снова возразила я.

Мама делает шаг ко мне и так сильно бьет меня по щеке, что даже папа в ужасе.

Я пошатнулась; слезы обжигают мне глаза.

Она говорит, что она разочарована, что ей стыдно за меня, и вскоре ее слова расплываются в моем сознании. Я не могу их слушать. Слышу лишь последнюю фразу:

– Ступай прочь! Ты месяц будешь сидеть дома.

Я медленно поднимаюсь наверх, испытывая чувство вины и отчаяние. Останавливаюсь, услышав, как мама говорит с папой.

– Я не жестокая. Моя мать била нас постоянно, но это не принесло нам вреда. Если мы не будем следить за ней, она станет как Вивьен.

Я затаила дыхание. Вивьен? Почему мне знакомо это имя? Я вспоминаю, как сидела на ступеньках вечером, после того как Хьюго отвезли в школу.

– *Смотри на это как на лекарство*, – сказал тогда папа. – *Ты легче заснешь.*

– *Я не хочу! Это отрав!*

– *Джина, ты не Вивьен!*

Вивьен. Кто она такая?

Позже в тот вечер я лежу без сна и скучаю по Хьюго. Как мне хочется пойти к нему в спальню и поговорить, как мы всегда это делали.

Когда три года назад Хьюго отвезли в интернат, в доме словно погас свет. Когда мы сидели за ужином, никто из нас не мог смотреть на пустой стул напротив меня. Комфортный четырехугольник превратился в неустойчивый треугольник. Мама больше не скрывает, что он ее любимец. Теперь Хьюго десять лет, а когда ему было восемь, в его школу приехали специалисты из Британского лыжного клуба для инвалидов. Я до сих пор помню мамин восторг, когда она рассказывала нам с папой, что они отобрали только трех учеников для подготовки к Параолимпийским играм.

– Угадайте, кого они выбрали!

Я хочу, чтобы мама смотрела на меня с такой же гордостью, но в моей школе мы занимаемся спортом лишь сорок пять минут в неделю. Пока мы все переоденемся в спортивную форму и выбежим на поле для лакросса, уже пора возвращаться в раздевалку. Я не ревную к Хьюго, вовсе нет. Я очень жду его приезда в конце недели и особенно люблю, когда мы с ним что-то готовим на кухне. Например, яблочный крамбл и пирог с курятиной для воскресного ланча. Часто мы представляем, будто демонстрируем наше умение в телевизионном шоу. Хьюго говорит, что хочет стать, когда вырастет, диктором или ведущим теледебатов. Я улы-

баюсь и вспоминаю, как однажды, когда мы готовили булочки с изюмом, Хьюго перепутал и принял за молоко банку с мясной подливкой, стоявшую в холодильнике. Мы завывали от смеха, в миске прыгали кусочки куриного жира, а Хьюго говорил: «Знаете что? Вот так *не надо* это делать».

Мы долго гуляем у озера, и Хьюго обещает не говорить маме с папой, что я курю, хотя и не советует мне это занятие, потому что тогда у меня пожелтеют зубы. Он посмеялся, когда я сказала ему, что хочу играть с Джейни в джазе, когда подрасту, и курить марихуану.

Когда он уезжает, я страдаю от одиночества, а дом погружается во мрак. Я не могу заснуть, встаю, бреду к гардеробу, открываю дверцу. На полке под свитерами спрятана бутылка вина. Как-то вечером, после школы я стянула ее с кухни Джейни и сунула в свой рюкзак. Джейни даже и не заметила. Не помню, наказали ее тогда родители или нет.

На цыпочках я спускаюсь на кухню, выдвигаю ящик с ножами и вилками. В темноте нашариваю штопор. Беру. Тихонько возвращаюсь к себе.

Ввинчиваю штопор в пробку, откупориваю бутылку. Наливаю золотистую жидкость в стакан. Осторожно пробую. Вино легко втекает в меня, и я ощущаю тепло во всем теле. Еще глоток, и я зажимаю глаза, ощущая новый прилив тепла и солнечного света. Теперь мне лучше. Мне хорошо. Еще глоток. И еще. Вскоре все мои тревоги поблекли: ну и что, что кончились карманные деньги, что меня на месяц запрут дома – какая это все ерунда... Боль в щеке, оставшаяся от маминой оплеухи, исчезла. Не могу объяснить, как это и почему, но я ощущала себя посторонней, словно я не принадлежала к нашей семье. Иногда мне казалось, что мама меня ненавидит. Я закрываю глаза и пытаюсь стереть из памяти те слова, что подслушала, сидя на нижней ступеньке на лестнице: «Трудно не любить Хьюго больше».

Я допиваю стакан и наливаю себе еще. Я улыбаюсь и больше не страдаю от одиночества. Вино уносит меня в счастливое место, далеко-далеко от дома.

9

@Гато-о-Шоколад.

Ланч сегодня!

Чоризо & Каннелони – фасолевый суп вместе с нашим прославленным шоколадом.

Как вкусно!

Я работаю в Белсайз-Парк в кафе «Гато-о-Шоколад». Белсайз-Парк – маленький анклав в конце Белсайз-Лэйн, малоизвестная часть Лондона, куда, к счастью, почти не забредают туристы. Что мне нравится в этой деревне – то, что большинство лавок и кафе независимые. Тут есть своя прачечная, семейный зоомагазин, лавка деликатесов, где продают умопомрачительной вкусноты сыры, салаты и паштеты. И все это в стороне от популярных маршрутов, а мне нравится жить в таких местах.

Когда я вхожу в кафе, меня радушно встречает знакомый запах свежего чесночного хлеба с розмарином и зимнего супа, который варится на плите. Я прохожу мимо стола, где разложены кулинарные книги в твердом переплете и соблазнительных суперобложках, на которых изображены карри из Индии, паста домашнего приготовления и рыба, маринованная на травах из Италии, мясо для барбекю из Австралии и британские пироги с золотистой корочкой.

На стеллажах, обрамляющих две стены кафе, лежат и другие книги по кулинарии. На одном стеллаже книги разделены по секциям – овощи, сыр, мясо, выпечка, хлеб, кофе, вечеринки, здоровье, детские книги, специи и травы. Стеллаж у противоположной стены разделен на страны.

Наша кухня в одной стороне кафе, можно сказать, прилеплена сбоку. Она маленькая, вся в белом кафеле, с современной, со множеством функций плитой и духовым шкафом; на крючках висят медные сковороды; еще у нас есть старомодный миксер и белые фарфоровые горки для выпечки. На доске мы пишем каждый день меню ланча. У нас пять маленьких столов на двух-трех человек и большой стол на шесть персон, который стоит возле стены с изображениями лобстеров, перца чили, тарелок с супом и оливкового масла в бутылках. Еще есть мягкий диван, на котором клиенты обожают сидеть с капучино и книгой. И есть стеллажи, где продаются журналы «Шеф-повар», оливковое масло разных сортов и красное вино, произведенное во Франции на собственном винограднике моего босса.

На кухне я работаю вместе с Мэри-Джейн. Ей под шестьдесят, и она трудится здесь уже десять лет, со дня открытия этого кафе. Она приехала с острова Св. Елены, крошечного тропического островка в южной части Атлантического океана, знаменитого тем, что там жил в изгнании и умер Наполеон. Она маленькая, полная, с копной густых темных волос и решительной походкой. Когда почти четыре года назад я пришла устраиваться на работу к Жану, она стояла в своем цветастом фартуке с каменным лицом возле раковины и уж точно не светила радужием. «Мэри-Джейн – наша гордость, – заверил меня Жан и подмигнул ей, что она благополучно проигнорировала, – но она не очень умеет... – он щелкнул пальцами, – вести беседы». – Мэри-Джейн отмахнулась от него как от назойливой мухи, но я заметила, что они тепло относятся друг к другу.

Она что-то буркнула, когда я поздоровалась с ней, потом подошла ко мне с ложкой. «На, попробуй!» Я попробовала и выставила вверх большой палец, потому что вкус был восхитительный.

Как и у меня, у Мэри-Джейн не было никакого профессионального опыта, когда она начала тут работать. Ее страсть к кулинарии перешла к ней от ее бабки, которая любила печь. Она славится своими фруктовыми тортами и кокосовыми пальчиками – коржами свежего

бисквита, нарезанными полосками и обваленными в сахарной пудре и кокосовой стружке. Бабушка жила вместе с семьей. Отец Мэри-Джейн был фермером, выращивал фрукты и овощи. Когда Мэри-Джейн рассказывает о детстве, ее глаза загораются, и она часто хихикает как девочка. «Папа выращивал бананы, Полли. Субботним утром мы помогали срывать их с деревьев и связывать веревочкой. Потом мы вешали связки на седло осла. У нас были прекрасные ослики, я даже помню до сих пор их клички, – она улыбнулась, словно в тот момент стояла возле бананов, – Принц, Вайолет и Нед. Были у нас и гуавы: они росли сами по себе, и бабушка делала из них лучшее в мире желе. Мы мазали его на поджаренный хлеб после школы».

– Вот найди еще себе такого босса, который стал бы каждый день варить тебе кофе! – смеется Жан, когда я пишу на доске меню. Он стоит в синем фартуке возле машины для капучино. Жану не так давно стукнуло пятьдесят, у него темно-русые волосы и пристальный взгляд; он высокий, тренированный, потому что каждый день плавает.

Он протягивает мне чашку, и я вижу, что он в хорошем расположении духа. Характер у Жана такой же непредсказуемый, как погода. Часто он теряет хладнокровие, и тогда по кухне летят чашки и ложки. Но сегодня он посылает нам с Мэри-Джейн воздушный поцелуй и поднимается наверх, чтобы подготовиться к своему мастер-классу по приготовлению лесных грибов.

Я подвязываю фартук и собираю все, что необходимо для моих тортов и безе «Павлова», а сама думаю о том, что сначала смотрела на эту работу как на временную. Просто мне надо было чем-то заняться, чтобы прожить первые месяцы после разрыва с Мэттом, и зарабатывать деньги, а главное, отвлечься от пьянства. В те первые дни я нуждалась в хоть какой-то цели и надеялась, что со временем смогу подумать о новой карьере или вернуться в школу. В двадцать с небольшим, когда мои подруги, включая Джейни, еще учились в университете, я не знала, что делать мне с моей жизнью. В конце концов я записалась на годичные курсы педагогики по системе Монтессори в районе Оксфорд-стрит. Учеба была тяжелой, в конце года письменные экзамены и практика, но я все-таки ухитрилась курить и пить на всю катушку, а потом под вопли будильника выкатывалась из постели и лечилась чашкой кофе и сигаретой. Я выдержала экзамены и нашла работу – стала учить детей в начальной школе «Совята» возле метро «Эрлс-Корт». Мне очень нравилось играть с детьми в игры и учить с ними алфавит, распевая песенки, – я словно переносилась в другой мир. Ушла я оттуда после рождения Луи, хотя всегда собиралась вернуться к преподаванию. Но после всего я уже не могла это сделать – слишком много воспоминаний о прошлом. Мне нужно было что-то новое.

Во время своего нестандартного собеседования в кафе я испугалась Жана. Он посадил меня перед собой на стул и начал рассказывать, как он был поваром в разных странах. «Когда я попал в Америку, Полли, мне казалось, будто я вошел в свой телевизор и очутился среди героев сериала «Полиция Майами: Отдел нравов». Вы были там?»

Я покачала головой и уставилась на свое резюме, лежавшее перед ним. По нему было ясно видно, что я неудачница. Что до моих заграничных поездок, то я перемещалась под кайфом во Франции и пила в Таиланде, так сильно, что три дня стерлись у меня из памяти напрочь, помню только, что на четвертый какая-то тайская старушка пыталась влить в меня какой-то жуткий травяной чай. Жан тем временем сообщил мне, что в тринадцать лет он бросил школу, чтобы идти в мир своим собственным путем. «Отец разрешил мне уйти из школы, если я начну работать, а не сидеть у него на шее и, как это у вас говорится... – он щелкнул несколько раз пальцами, прежде чем вспомнил, – бить баклуши. А я хотел лишь одного – стать поваром. А вам, Полли, нравилось учиться?» – спросил он, наконец-то без всякого интереса пробежав глазами мое жизнеописание.

«Я никогда не была в числе лучших, – призналась я, понимая, что претендовать на что-либо не было смысла, да и нервы мои были уже на пределе. – На пробном экзамене по математике я написала «С Рождеством». Получила тройку. Очевидно, за то, что правильно написала свою фамилию и число».

И вот тогда-то между нами затеплился уголек. «Ты прикольная, Полли. Ты насмешила даже Мэри-Джейн, а это не фунт изюму, – сообщил он, жестом показав на повариху, похохатывающую возле раковины, – но с кулинарией у тебя так же плохо, как с математикой?»

Я улыбнулась его словам и помотала головой. «Я умею печь кексы, бисквиты, блинчики, меренгу, да что угодно. Я с детства любила готовить, только у меня не было такой возможности. Если вы мне позволите...»

Жан смял мою бумагу в комок и швырнул через плечо.

– Я дам тебе месяц испытательного срока и погляжу, что ты умеешь. Когда начнем?

Прошло четыре года, а я все еще тут работаю; отчасти потому что работа мне нравится, отчасти потому, что Жан идет мне навстречу и соглашается на гибкий график. Так что я много времени уделяю Луи. Моя задача – выпечка (ежедневно у нас в ассортименте три вида); еще я подаю ланчи и болтаю с местными. Все это часть моих обязанностей, потому что здесь мы как золотые рыбки – тут все открыто, никаких дверей и перегородок. Мне впору себя ущипнуть, так мне тут хорошо, хотя во время своего испытательного срока я работала как проклятая, доказывая Жану, что я заслуживала этого шанса. Я обливалась потом у духовки и вкладывала в изделия всю свою страсть, говоря себе, что я должна получить эту работу. Никогда не забуду, как Жан попробовал мой шоколадно-ореховый торт и сказал: «Чистый, неразбавленный шоколад – божественно. Полли, испытательный срок закончен. Ты официально принята ко мне!» Я бросилась к нему и обняла за шею, а Мэри-Джейн захлопала в ладоши.

Тут, в кафе, я снова влюбилась в выпечку. Когда я растираю сливочное масло с мукой в крупные крошки, для меня это терапия – я мысленно переношусь в счастливые минуты детства, когда я пекла с мамой сладкие пирожки с начинкой, а с Хьюго яблочный крамбл.

Я беру с полки а file. Сначала принимаюсь за шоколадный слоеный торт. Когда просеиваю муку, соду и соль, мои мысли направляются на Бена. За две недели, прошедшие с того дня, когда мы с Луи были у него в гостях, мы встречались снова, дважды. Постепенно я узнавала все больше о его жизни. Его отчим владеет магазином мужской модной одежды в центральной части Лондона. Когда я спросила, что это за человек, Бен ответил: «На похоронах мамы он назвал меня ублюдком, так что судите сами». Глаза Бена не выдают его эмоций. Вероятно, эмоции лежат слишком глубоко, вот как горе у Эмили. Я узнала, что Грейс жила в Хэмпшире, в деревне под названием Кроули. «Я называл ее деревенской ведьмой, – сказал Бен со слабой улыбкой, когда рассказывал, как она пыталась с помощью акупунктуры отучить его от курения. Именно Грейс уговорила его бросить работу в Сити и завязать с пьянством. – У нее единственной хватило смелости сказать мне, что я разрушаю свою жизнь». Бен рассказал, что он жил у сестры почти шесть месяцев после лечения в центре реабилитации; в это время он помогал ей вести ее акупунктурный бизнес, управлял ее финансами и счетами. В это время Грейс была одинокая и беременная, так что в поддержке нуждались они оба. Бену было необходимо отвлечься от привычного уклада, а Грейс не хватало человеческого тепла – как я уже знала, ее бойфренд моментально исчез, едва она сообщила ему о своей беременности, и для нее это стало тяжелым ударом. И все же она была полна решимости добиться успеха, работая дома, плюс к этому она могла распоряжаться своим временем после рождения ребенка. «Она-то и подсказала мне, чтобы я нашел себе новое занятие – стал финансовым консультантом. После рождения Эмили я вернулся в Лондон, три года учился и

стал дипломированным бухгалтером. Конечно, не рок-н-ролл, но, к моему удивлению, мне понравилась моя новая профессия».

Я делаю ямку в середине смеси и добавляю туда подсолнечное масло, сахар, ванильный экстракт, яйца, йогурт и охлажденный шоколад, с удовольствием вдыхая сладкий запах. Когда Мэри-Джейн не смотрит, я макаю палец в полужидкую смесь. «Видела, видела», – говорит она.

Пока мы с Беном и детьми пекли оладьи и смеялись, когда он подбросил одну оладью в воздух, и она шлепнулась на пол, он спросил, как я стала тут работать, и добавил, что как-нибудь зайвится ко мне и попробует мои торты.

Я ответила, что нашла эту работу через мою тетку Вивьен, которая общается с моим боссом Жаном. «Ничего особенного, лишь чуточку nepoтизма...»

Он почувствовал, что за моей фразой что-то скрывалось. Я постоянно вижу, что Бен от природы любопытный и проницательный. «Ну, и?» – допытывался он.

«Помнишь, я говорила, что в моей семье любили секреты? – Я тяжело вздохнула. – До четырнадцати лет я ничего не знала про мою тетю Вивьен».

«Почему?»

«Долгая история».

Бен посмотрел на Луи и Эмили, с удовольствием уплетавших оладьи. Повернул ко мне лицо и пожал плечами. «У нас есть время».

10 1994

– Мам, я заболела, – отвечаю я, когда она спрашивает, почему я не одета и не собираюсь в школу.

– Что с тобой?

Она стоит у подножия лестницы; на ней синяя куртка, такая же юбка, туфли на каблуках; темные волосы убраны от лица и заколоты.

– Подташнивает, и вообще...

Мама поднимается вверх и трогает мой лоб.

– Ты съела что-нибудь нехорошее?

Я киваю.

Она щупает мои гланды и смотрит на часы. Обычно мама отвозит меня в школу, потом идет на работу. Она работает почасовиком – собирает в Норвиче средства на благотворительность для слепых и слабовидящих.

– Ты выглядишь неважно, – неохотно признает она. – Я позвоню на работу.

– Нет! То есть, мам, поезжай на работу. Я одна справлюсь.

На градуснике нормальная температура. Мама оставляет пластиковый тазик. На секунду я впадаю в панику, испугавшись, что она обнаружит под моей кроватью пустую бутылку. Она говорит, что вернется домой к ланчу.

– Но ты обещай мне, дочка, что позвонишь, если тебе станет хуже, – говорит мама почти с нежностью.

Потом я наслаждаюсь сэндвичем с сыром и смотрю сериал «Друзья». Интересно, пошла Джейни в школу? Потом позвоню ей. Вчера вечером мы делали вид, что выполняем задание по французскому, а сами курили у окна ее спальни и пили «Бейлис». Хихикая, я прибежала домой, легко взлетела по лестнице вверх, сказав «Да!», когда папа крикнул: «Полли, это ты?»

На кухне звонит телефон. Дьявол. Опять мама. Я слышу, как пискнул автоответчик, но голос не узнаю.

Когда я захожу на кухню, чтобы сделать еще сэндвич, меня странным образом притягивает красный огонек на автоответчике. Перед тем как открыть холодильник, я нажимаю на кнопку.

– Джорджина, это я, Вивьен. – Маму никто не называет Джорджиной. Но голос все-таки странно знакомый. Вивьен. Я захлопнула холодильник, забыв, зачем пришла сюда. – Я вернулась. Папа дал мне твой номер. Надеюсь, мы встретимся. Я понимаю, прошло много лет, но... – Она молчит. – Как там Полли? Я часто думаю о вас, – продолжает она. – Ты не отвечала на мои письма. Ох, послушай меня, я обещала, что не стану наговаривать на автоответчик, а только скажу «Привет». Пожалуйста, позвони мне.

Мама приезжает домой к ланчу, нагруженная пакетами. Она останавливается в дверях гостиной и спрашивает, как у меня дела.

– Утром звонила какая-то женщина. – Я иду за мамой на кухню. – Она оставила сообщение.

– Кто же это? Ты хоть немного поспала, доченька? – Мама выгружает продукты и просит меня помочь ей.

– Вивьен.

Она забывает о своих покупках. Садится.

– Мам? Кто это?

– Моя сестра, – тихим голосом отвечает она, глядя перед собой.

– Я и не знала, что у тебя есть сестра.

Молчание.

– Мам? – Я сажусь рядом с ней.

– Она... – Мама хватается за голову. – Она кого-то убила.

– Что? Кто?

– Перестань! Полли, прошу тебя, перестань!

Я протягиваю маме клочок кухонного полотенца. Она сморкается, вытирает слезы.

– Мам, я боюсь. – Я не люблю, когда она такая расстроенная. – Почему вы не говорили нам с Хьюго, что у тебя есть сестра? Что случилось?

К моему удивлению, мама решительно берет меня за руку.

– Она села пьяная за руль и убила своего ребенка, моего племянника, – говорит она так, словно это произошло вчера. Я жду, чувствуя, что будет продолжение. – И убила моего брата, он сидел впереди... Выжила лишь одна она.

Прошло десять дней после того звонка. И вот сегодня Вивьен нас навещает. Она придет на чай. Суббота, и Хьюго дома. Мама хочет, чтобы мы были все вместе.

– Как нам ее называть? – спрашивает меня Хьюго, помогая накрывать на стол. Папа косит возле дома газон. Мама лихорадочно прибирает в доме. Все утро она твердила нам, чтобы мы убрались в своих спальнях и отложили все другие дела.

– Странно называть ее тетей Вивьен, раз мы совсем не знаем ее, – добавляет Хьюго и кладет нож не с той стороны.

– Ты никак ее не называй, – предлагаю я. – Скажи «здравствуйте» – и все.

– Полли, она плохая? – спрашивает он, словно она может оказаться кровожадным монстром.

– Я не знаю.

– Почему она приедет к нам?

– Я не знаю, Хьюго.

– Интересно, как выглядела та тюрьма? Как ты думаешь, она расскажет об этом? Мне все-таки удивительно, что мама ничего нам не говорила.

Я киваю.

– Тебе не кажется, что она может скрывать от нас и другие секреты?

Мама уже объяснила нам, что поначалу она хранила секрет о Вивьен, потому что мы с Хьюго были слишком маленькими и не могли понять вред, который та причинила семье, но чем старше мы становились, тем тяжелее маме было затрагивать болезненные воспоминания. «Копаться в прошлом иногда слишком болезненно», – сказала мама. Папа поддержал ее: «Пусть уж все идет так, как идет».

Мне хотелось возразить им, что мы с Хьюго хотя бы имели право знать, что у нас есть тетка; но ведь я видела, как расстроил маму предстоящий визит Вивьен. Я попробовала представить себе, как кто-то по разгильдяйству, сев пьяным за руль, убил Хьюго. Я бы не смогла простить этого человека. Но теперь все начало проясняться. И слова деда Артура «Она должна была бы сидеть вместе с нами» в Рождество. И мама, не прикасающаяся к спиртному. «Джина, ты не Вивьен», – сказал тогда папа.

Но папа все же смог рассказать нам с Хьюго эту историю чуть поподробнее. Выйдя из тюрьмы, Вивьен не смогла жить в Англии, тяжелые воспоминания давили на нее. И она бежала от них в Америку.

– Как? Почему? Все это было так загадочно и трагично!

– Я ничего точно не знаю, Полли, так что не задавай вопросов, – взмолился папа. – Просто нужно, чтобы сегодняшний день прошел гладко, без драм.

За ланчем мама не может есть. За час до прихода Вивьен она, нервничая, то и дело поправляет шторы. Папа старается держаться спокойно и говорит, что пойдет посмотреть по телевизору теннис. Он готов сутками смотреть Уимблдон. Мы с Хьюго не знаем, чем нам заняться; чтобы убить время, идем гулять к озеру. Я выкуриваю парочку сигарет. Хьюго просит, чтобы я дала ему попробовать. Делает затяжку, страшно кашляет.

– Полли, это же гадость! Все равно что есть из ведра с отбросами.

За пять минут до приезда тетки мы с Хьюго чинно сидим на диване, словно образцовые дети. После прогулки мама заставила меня сменить джинсы на легкое платье.

– Пожалуйста, Полли, причешись, – велела она, после чего рявкнула Хьюго, чтобы он подтянул штаны.

Папа помогает маме готовить чай. Я слышу, как звякают на подносе чашки и блюдца. Мама решила поставить на стол свой лучший фарфор. Как выглядит Вивьен? О чем мы будем беседовать? Расстроит ли маму этот визит? Я грызу ноготь на большом пальце – мне уже не в кайф знакомиться с теткой. Понравится ли она мне? Да и должна ли она мне понравиться после всего, что она сделала?

Мы слышим звук приближающегося автомобиля. Я выглядываю в окно и вижу такси, остановившееся возле двери дома. У меня бешено колотится сердце. Хьюго сжимает мне руку, и я радуюсь, что в этот момент мы с ним рядом. У нас маленькая семья, с папиной стороны есть только тетя Лин, но мы видим ее очень редко. Мы не привыкли к визитам родственников, и уж тем более тетки, которая убила маминого брата и собственного сына и потом оказалась за решеткой.

Вивьен входит в дом следом за мамой. На ней кремовое летнее платье; широкий кожаный пояс с золотой пряжкой подчеркивает ее тонкую талию. Мы с Хьюго встаем, ведь сейчас мама нас представит.

У нее загорелые руки, украшенные браслетами; длинные темные волосы падают на спину. Не то, что у мамы с ее короткой практичной стрижкой. Вивьен секунду колеблется, потом делает шаг ко мне. Никто не говорит ни слова, в конце концов мама бормочет: «Это Полли».

Вивьен проводит ладонью по волосам. На ее лице нет никакой косметики, кроме темно-красной помады. Еще я отмечаю, что у нее в каждом ухе по два кольца. Я парализована. Я просто стою и таращу глаза на эту красивую женщину, похожую на цыганку. Она хватается за руку и глядит мне в глаза. Потом, к моему изумлению, начинает плакать, и я не знаю, куда мне глядеть.

– Как глупо, – бормочет она, утирая слезы. – Я всегда была плаксивой старой коровой. – Она уже смеется, не отрывая от меня светло-карих глаз. – Просто... – Она поворачивается к маме. – Так приятно быть здесь.

Мама сухо кивает, словно на деловой встрече. Они ну поразительно разные, а меня притягивает ее тепло, несмотря ни на что. Вивьен вовсе не такая, как я ожидала, не ужасная особа, о которой говорила мама.

Вивьен подходит к Хьюго.

– Я так много слышала про тебя, – говорит она. – Твоя мама говорит, что ты хороший лыжник.

Хьюго кивает.

– Моя школа выбрала меня, чтобы я тренировался и участвовал в Параолимпийских играх и в Чемпионате мира, – с гордостью сообщил он. – Я все время тренируюсь на сухих лыжных склонах.

– Когда я жила в Лос-Анджелесе, я каталась там на горе Болди⁴.

Хьюго хихикает, и Вивьен говорит нам, что ее тоже смешит название.

Хьюго показывает шрам над глазом.

– Мне зашивали. Я люблю кататься быстро, иногда даже слишком быстро.

Я гляжу на маму, такую строгую и напряженную. Она не может сидеть неподвижно и ерзает, словно мы с Хьюго на проповеди в церкви. Папа наливает всем чай и говорит Вивьен, что я испекла кофейный торт с грецкими орехами.

– Ты любишь готовить, Полли? – спрашивает она.

Я киваю с энтузиазмом.

– Она очень хорошо готовит, – добавляет мама.

Я впервые слышу ее комплимент в мой адрес, и у меня кружится от гордости голова.

– Возможно, ты когда-нибудь станешь кондитером, – улыбается Вивьен, пробует торт и говорит, что вкус божественный. – Возможно, ты поселишься в Париже и станешь хозяйкой патиссерии.

За чаем Вивьен беседует с Хьюго и со мной, задает нам вопросы о школе, о наших увлечениях. Я замечаю, какие у нее красивые руки, как грациозно она держит чашку. Она часто улыбается, даже смеется, но с ее лица все равно не сходит печаль. Мне даже хочется крикнуть маме, чтобы она была приветливее с Вивьен, простила ее; но я все время напоминаю себе, почему мама такая строгая к сестре. Я вежливо отвечаю на вопросы. Вивьен словно заколдовала меня – никогда еще я не следила так тщательно за своей грамматикой. А мама все вскакивает, подливает кофе, подает новые куски торта, хотя все уже наелись.

Когда за Вивьен приезжает такси, я разочарована. Она прощается, обнимает нас с Хьюго, словно старых друзей. Мама с папой провожают ее до машины.

– Она классная, – с удивлением говорит Хьюго. – Мне она очень понравилась.

– Стой! – Я смотрю в окно. Кажется, Вивьен расстроена. Мама качает головой. Папа открывает дверцу, но Вивьен все еще стоит и что-то говорит маме. Ох, как жалко, что я ничего не слышу! По-моему, они спорят. Может быть, мама говорит, чтобы она больше не приезжала? Вивьен бросает взгляд на окно, словно почувствовав, что мы глядим на нее. Машет нам рукой. Я нерешительно машу в ответ.

Когда она уезжает, я в смятении. Мне жалко маму: визит сестры явно причинил ей боль. Но Вивьен принесла в наш дом и лучик света, как когда-то дед Артур.

В тот вечер Хьюго присел на краешек моей кровати.

– Полли, как она выглядит?

Мне всем сердцем хочется, чтобы у меня была волшебная палочка, и я бы исцелила его зрение. Я готова сделать все, что угодно, ради брата, но тут бессильна.

– Ах, Хьюго, у нее очень красивые пышные волосы. – Я описываю их: шоколадно-каштановые, вот как мои, падают водопадом на спину. – И карие глаза, как у мамы. Еще на ней были сверкающие босоножки и красивые браслеты.

– Как ты думаешь, мама позволит нам видеться с ней?

– Я надеюсь.

– Я тоже.

Когда Хьюго уходит спать, я закрываю глаза. Я вижу ее слезы, слышу тепло в ее голосе и такой интерес к моей жизни, что почти верю – у меня восхитительное будущее. Патиссерия в Париже! Усталая, я засыпаю и уже сквозь сон слышу шаги на лестнице. Дверь моей

---

⁴ Лысая (англ.).

комнаты со скрипом открывается, я вижу тень мамы, стоящей на пороге. Потом она тихонько уходит.

11

@Гато-о-Шоколад.

Суп из нута & Маринованный цыпленок по-индонезийски с жареным сладким картофелем & и, словно этого мало, яблочный пирог с карамелью.

Первым из регулярных посетителей появляется наша местная знаменитость – восьмидесятилетняя писательница. Она приковыляла сюда два года назад, после того как упала с лестницы и сломала два ребра и запястье. «Старость – это проклятие», – сказала она и объяснила, почему сама не может готовить себе еду. Ее часто сопровождает такая же немолодая подруга; они называют нас «кормильцами» и «социальной опекой». Не задавая лишних вопросов, я приношу им суп и по бокалу красного вина – «в лечебных целях», как они это называют.

Далее приходит местный серийный любовник, иллюстратор, работающий дома. Я не видела его с самого Рождества. Он сканирует взглядом нашу доску с меню и заказывает цыплят.

– А еще, пожалуй, красotka Полли, если у меня в животе останется место, то кусок вашего замечательного яблочного пирога.

– У вас всегда хватает места.

– А-а, Мэри-Джейн, как дела? – спрашивает он с лукавой улыбкой. – Как провели ночьку с пылким возлюбленным?

Мэри-Джейн шипит, как дикая кошка.

– Замолчите, иначе я вылью кипяток вам на голову! – Она со стуком ставит кувшин на стол.

Вскоре кафе наполняет гул голосов, посетители переговариваются через столы, а мы с Мэри-Джейн носимся по залу, разнося суп, чай с ромашкой и мятой или красное вино Жана – под цыпленка. Внезапно я замираю, увидев, как в кафе входит Бен. В руках у него пакеты с какими-то покупками. Он сбрил бороду и сразу помолодел. Жан оглядывается, чтобы посмотреть, кому это я машу рукой.

– Ты темная лошадка, Полли.

– Он просто друг, – улыбаюсь я.

– Холостой?

Я уверена, что тетя Вивьен собирает через него сплетни обо мне.

– Кажется, да.

Жан пожимает плечами.

– Хорош. Гей?

– Натурал.

– Почему же тогда вы с ним не трам-трам, как кролики?

– Как ты деликатно выразился, Жан.

– Стараюсь, – хохочет он.

Не успела я объяснить своему боссу, что это не мой вкус, как Бен целует меня в щеку.

– Мне нравится твой новый облик! – Я дотрагиваюсь до его подбородка.

Жан, слава богу, дает наверху мастер-класс по выпечке хлеба, наши завсегдатаи удалились, и мы с Мэри-Джейн можем наконец-то поесть. Я беру кусок цыпленка, сажусь за столик к Бену и спрашиваю, что он купил.

– Одежду. Эмили ныла, что...

– Как хорошо!

– Что? Не понял...

– Она разговаривает!

Он кивает.

– Со мной беседовала директриса, сказала, что Эмили спрашивает учительницу, вернется ли назад мама. – Он виновато хмурится. – Ты была права, Полли. Я не должен делать вид, будто ничего не случилось. Ей это не помогает, мне тоже, и теперь мы перед сном разговариваем о Грейс, вспоминаем случаи из нашей жизни.

– Какая она была?

– Необыкновенная, независимая. С открытым сердцем. Но часто и раздражала, потому что всегда настаивала на своей правоте. Я рассказывал Эмили о наших летних каникулах в детстве, как мы с Грейс могли часами плавать в море... – Его голос дрогнул. – Изображали из себя рыб. Прости. – Он кашляет, скрывая свои эмоции.

– Говори, говори, мне интересно. – Я считаю, что ему полезно выговориться.

– Ее страстью была китайская медицина и помощь людям. Я даже завидовал ей. А наш отчим всегда старался выпроводить нас из дома... Я рассказывал Эмили и про учебу Грейс в пансионате. Как-то раз она намочила в ванной полотенце и выжала его на голову директрисы. – Он улыбнулся. – Эмили понравилась эта история, но я сказал ей, чтобы она не подражала маме и что я не хочу увидеть ее имя в красной книге.

Я засмеялась.

– А Эмили рассказывала тебе какие-нибудь истории?

– Она рассказала мне, как ее мамочка один раз оставила иглу на лбу пациента, между бровей. Еще у нее много историй про Патча.

– Патча?

– Грейс чувствовала себя виноватой за то, что у Эмили нет брата или сестры, и они взяли себе собаку по кличке Патч. Порода неизвестная, но...

– Когда умер Патч? – В моей голове зреет идея.

– Около года назад. У него была опухоль, бедняга Патч умер совсем молодым. Помните, Грейс спрашивала меня, как объяснить Эмили, что такое смерть, – сказал он с заметной иронией. – А что?

– Да так. – Просто кто-то из посетительниц сегодня сказала, что у ее соседки ошенилась собака, шотландский терьер. Четыре щенка, и вот последнего, девочку, никак не могут определить.

– Давай-ка посмотрим, что ты купил, – спрашиваю я, размышляя, не сошла ли я с ума. Сможет ли Бен, помимо всего прочего, справиться еще и со щенком? Я не могу себе представить собаку в его безупречной квартире. Но, с другой стороны, может быть, именно этого как раз и не хватает их дому?

Бен извлекает из сумки покупки.

– Что? – спрашивает он, увидев, какими глазами я смотрю на унылую юбку грибного цвета и такую же водолазку.

– Это что – единственный цвет, который был в продаже?

Бен озадаченно таращит глаза, словно я говорю об астрофизике.

– Грейс, наверное, покупала ей вещи... ну... красивой расцветки.

– Да, но они ей уже стали малы... Я вот схватил...

– Вижу, – говорю я, пожалуй, слишком сурово, извлекая из сумки штаны цвета хаки. – У Эмили есть нарядное платье? Что она наденет на день рождения Мэйси?

В воскресенье дочке Джима исполняется пять лет. В честь этого родители устраивают детский праздник в надувном замке.

– Платье? Нет! Мы должны ей что-то купить.

Вероятно, Бен почувствовал, что это «мы» застало меня врасплох, и добавляет:

– Ведь ты поможешь мне, правда?

В его взгляде я читаю такую отчаянную мольбу, что мне становится жалко его.

– Конечно. – Я складываю покупки в сумку. – Давай отнесем это назад и...

– Что вы отнесете назад? – спрашивает тетя Вив, подходя к нам. Я и не заметила, как она пришла. Тетя Вив пять лет работала у Жана – продавала книги и прочее. Про кафе Жана она услышала совсем случайно. Тогда она вернулась из Америки, и ей нужно было устроиться на работу. Она сидела в автобусе и просматривала в газете объявления о вакансиях, когда услышала, как какой-то француз жалуется, что его персонал безнадёжен, а дела идут плохо, что придется ему уехать из Англии. Они разговорились, Жан предложил ей работу, а вскоре они стали любовниками. Жан стал для нее идеальным партнером – он необычный, много ездил и повидал мир, темпераментный – держит тетю Вив в тонусе, – но в глубине души добрый.

Я знакомя Бена с тетей Вивьен. Я вижу, как он настораживает слух, услышав ее имя. В тот вечер в его квартире я рассказала о ней все. Он внимательно выслушал рассказ о ее первом визите и спросил, что было потом. Ну, Вивьен регулярно навещала нас, но мои родители всегда тщательно режиссировали наши встречи. Всякий раз нас загоняли в гостиную и редко оставляли наедине с ней. По-моему, мама даже подслушивала наши разговоры. Я рассказала Бену про один случай, когда тетя Вив попросила нас с Хьюго показать ей затонувшую лодку. Когда мы через час не вернулись, мама выслала поисковый отряд в виде нашего папы. В тот раз, сидя втроем на лодке, мы с братом вели себя более непринужденно. Тетя Вив мало говорила о прошлом, никогда не упоминала ни их с мамой брата, ни тюрьму, ни своего ребенка. Она только сказала, что после семи лет ада дед Артур спас ее, купив ей билет в Америку. В Лос-Анджелесе жил его школьный друг, согласившийся ее принять. Дед дал ей денег и на короткое пребывание в лечебнице; остальное было ее делом. «Вот в океане есть что-то магическое. Он помог мне вылечиться», – сказала она нам.

– Я вижу, как вы похожи, – говорит Бен, отрывая меня от моих мыслей. Пышные темные волосы тети Вив теперь приправлены сединой и заколоты пряжкой. На ней красное шерстяное платье и замшевые сапоги.

– Да, мы похожи, – подтверждает тетя Вив. – Только у меня гораздо больше проклятых морщин!

Я объясняю, что это Бен, тот самый, с которым я познакомилась в школе; его племянница учится в одном классе с Луи.

– В субботу мы пойдем покупать ей платье, – говорю я тете Вив, показывая Бену, что я не забыла о его просьбе.

Бен уходит. Тетя Вив загадочно смотрит на меня.

– Он прелесть.

Я понимаю, что моя дружба с Беном скоро станет предметом сплетен. Уже и школьная мамочка Габриэла надула губы, не в силах скрыть ревность, когда я сказала ей, что у нее очень вкусная лазанья. Я не удержалась. Иногда из меня прет озорство. В воскресенье Габриэла тоже придет к Мэйси на день рождения. Я постараюсь держать себя в руках.

12

Воскресенье. Я в квартире Бена, помогаю Эмили нарядиться ко дню рождения Мэйси. В ответ Бен играет с Луи в пиратские игры. Всякий раз, приходя к нему, я замечаю маленькие перемены. Бен купил пару ковров, чтобы смягчить строгий вид безупречных деревянных полов. В квартире стало больше фотографий; теперь на книжной полке стоит в рамке фотография маленького Бена в белом костюмчике и с крикетной битой. На столике возле кровати Эмили я увидела фото Грейс с собакой на руках. У нее роскошные золотисто-каштановые волосы и глаза газели, как у Эмили, а кожа светлее, чем у брата.

По «Радио-2» идет воскресная передача Хьюго; он рассказывает о смешных ситуациях, в которые он попадал в магазинах. Я мысленно переношусь на день назад. В магазине «Монсун» мы подыскивали для Эмили зеленое платье с блестками. Конечно, не обошлось без стонов Луи, он жаловался, что ему скучно. По-моему, Бен тоже вышел за пределы комфортной зоны, когда мы покупали соответствующие аксессуары.

Заплетая Эмили волосы, я прошу рассказать мне о Патче. Она говорит, что он помесь далматинца с шотландским терьером. «А как это произошло?» – спрашиваю я, остановившись. Она поворачивает ко мне лицо. «Что произошло?» – «Ничего. Извини».

– В прошлую пятницу, после особенно тяжелого похмелья, – говорит по радио Хьюго, – я припелся в офис и сел за свой стол. Мне срочно нужно было выпить кофе и съесть, как всегда, макмаффин с яйцом и беконом. Есть разные устройства, которые облегчают мне, слабовидящему, мое офисное бытие. Вообще-то без них мне было бы очень тяжело, как, к примеру, без лампы на шарнирном кронштейне.

– Это дядя Хьюго! – радостно восклицает Луи, когда они с Беном ворвались к нам. – Эмили, мой дядя Хьюго знаменитый!

– И вот в то самое утро, – продолжает Хьюго, я включил компьютер, нажал на выключатель лампы и услышал зловещий щелчок. Мой источник света сдох, и вот, не успев позавтракать, мне пришлось идти в ближайший супермаркет за новой лампочкой.

– Тс-с, – говорю я Луи, когда он спросил, скоро ли мы пойдем.

– Успешно отыскав нужную лампочку, я направился к кассе, – продолжает Хьюго. – И там состоялся такой диалог: «Сколько это стоит, скажите, пожалуйста?» – спросил я очень вежливо. Молчание. «Скажите, пожалуйста, сколько стоит?» – спросил я чуть громче. Никакого ответа. Слегка рассердившись и вспомнив про остывающий кофе, я рявкнул: «Эй, подруга, сделай одолжение, скажи цену, я не вижу ее, я почти слепой». На что кассирша, сидевшая за другой кассой, сказала: «А она глухая».

Я рассмеялась.

– Оп-па, – продолжает Хьюго. – Вот так меня осадили... Вы слушаете Хьюго Стивенса по «Радио-2». Если у вас тоже есть забавные магазинные истории, я с удовольствием их послушаю. А теперь мы сделаем небольшой перерыв и расслабимся в это воскресное утро...

Певец Марвин Гэй запел «Давай начнем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.